

Снежный Тайфун

Автор:

Юлия Михайловский

Снежный Тайфун

Александр Михайловский

Юлия Викторовна Маркова

Третья книга из серии «Врата Войны». Началась суровая русская зима 1941-42 года. Как и в нашей истории, для захватчиков из нацистского вермахта, уже переживших свой первый разгром, она станет жестоким испытанием, а для бойцов и командиров героической РККА, а также солдат и офицеров Экспедиционных сил – временем новых блистательных побед. В этой книге будет все. Гремя огнем, сверкая блеском стали, пойдет в свой первый бой 4-я танковая бригада полковника Катукова, ВКС России нанесут уничтожающий бомбовый удар по Берлину, а группировка российских Экспедиционных сил, сокрушая группу армий «Север», совершит стремительный прорыв к Риге.

В оформлении обложки использована фотография

<https://img2.goodfon.ru/original/1920x1440/3/c5/art-zima-sneg-derevya-t-34-76.jpg>

Вступление

К сцепленной дате 1 ноября 1941 – 11 июля 2018 года в связанных Вратами мирах сложилась следующая обстановка:

В 1941 году фронт стабилизировался по линии Таллин – Нарва – Лужский рубеж – озеро Ильмень – Сольцы – Холм – Невель – Витебск – Орша – Могилев – Рогачев – Жлобин, и далее по линии Днепра до самого устья, включая в себя Киевский и Херсонский плацдармы на правом берегу реки. Немецкие плацдармы на левом берегу были ликвидированы в конце сентября – начале октября совместными действиями войск 38-й армии под командованием генерал-лейтенанта Рябышева и авиации потомков. Большую роль в ликвидации плацдармов сыграли «Искандеры», разрушившие переправы через Днепр. В осажденную Одессу начал ходить так называемый Одесский экспресс, то есть конвой из быстроходных судов Черноморского пароходства под охраной эсминцев, поочередно возглавляемые лидером «Ташкент», крейсерами «Молотов и «Ворошилов». Суда конвоя доставляли в Одессу подкрепление, продовольствие и боеприпасы, в обратном направлении вывозя на Большую Землю раненых, а также эвакуируемых из зоны боевых действий детей и беременных женщин.

В первых рейсах, несмотря на сильное зенитное противодействие, на подходах к Одессе «экспресс» активно атаковала немецко-румынская авиация, действующая по принципу «не потоплю, так понадкусаю». Особенно опасными для кораблей были немецкие пикирующие бомбардировщики Ю-87, метко кидающиеся убийственными для легких кораблей пятисоткилограммовыми бомбами. По этой причине было повреждено и потоплено несколько транспортных судов, погибло большое количество народа, в том числе эвакуируемых детей. Но потом в Севастополь привезли большую партию ПЗРК «Игла» – и пятого октября при подходе очередного «экспресса» к Одессе состоялась показательная порка люфтваффе. Из восемнадцати немецких пикировщиков, участвовавших налете, было сбито тринадцать, из двенадцати истребителей – десять. Члены экипажей самолетов, которых вытащили их воды советские моряки, впоследствии все сгинули в сталинских лагерях, где они пребывали в статусе военных преступников[1 - Нас сильно удивляет, почему на Нюрнбергском трибунале люфтваффе, как и кригсмарине, не были признаны преступными организациями. Совершенно младенческий аргумент о том, что людей, мол, туда набирали по призыву, а не добровольно, нас совершенно не устраивает. Члены этих организаций, по приказу или при прямом поощрении своего командования, совершали массовые военные преступления. На море люфтваффе к кригсмарине топили суда, на которых заведомо не было никого, кроме некомбатантов, и атаковали госпитальные корабли под флагом Красного Креста, что строжайше запрещено Гаагскими и Женевскими конвенциями. На суше пилоты люфтваффе подвергали массированным бомбардировкам города с мирным населением, атаковали колонны с беженцами, эвакуационные и санитарные поезда, опять же идущие под знаками Красного Креста. Скорее

всего, причина в том, что воевавшие на западном фронте англосаксы сами не гнушались такими методами. А уж после атомных бомб, сброшенных на Хиросиму и Нагасаки, говорить и вовсе стало не о чем. Если на основании преступных действий признать преступной организацией люфтваффе, то придется также признавать, что RAF и US Air Force преступны в равной, если не в большей мере. Ну и, наверное, англичане с американцами хотели сохранить за собой немножечко немецкого пушечного мяса на случай предполагаемого военного столкновения с СССР в центре Европы. Должен же быть кто-то, кого можно толкать на убой впереди себя во имя вечных и незыблемых англосаксонских интересов.].

Получив такой свирепый отпор и предприняв еще несколько вялых попыток прощупать противоздушную оборону «экспресса», пилоты люфтваффе резко потеряли интерес к этому мероприятию, предпочтя атаковать одиночные суда, не входящие в состав конвоев. Но и там зачастую было достаточно того, чтобы человек на палубе поднял к плечу нечто хотя бы отдаленно напоминающее пусковой контейнер ПЗРК (например, пустой тубус от чертежей) – герои люфтваффе тут же разлетались во все стороны вспугнутыми птицами, потому что настоящие ПЗРК на тихоходах, ходящих в капельных рейсах, тоже имелись, но был приказ их экономить. Зачем тратить на стервятника настоящую ракету, если имитация работает не хуже.

Таким образом, на первом этапе войны за время летне-осенней кампании обе стороны понесли тяжелые потери. Красная армия потеряла убитыми и пропавшими без вести порядка одного миллиона семисот тысяч бойцов и командиров (миллион триста тысяч только в Белостокском и Уманском котлах), в то время как вермахт плюс СС безвозвратно потеряли полтора миллиона солдат и офицеров. Потери вермахта и СС в смоленской мясорубке составили миллион двести тысяч человек, из которых после зачистки котлов в плен попали почти четыреста пятьдесят тысяч. Шестнадцатого октября (в день, когда в нашей истории состоялась знаменитая московская паника из-за приближавшихся к столице германских танковых войск) по местной Москве под конвоем бойцов НКВД перед отправкой в Сибирь на стройки социализма уныло, как побитые собаки, прошли почти двести тысяч немецких пленных. Это явление, подытоживающее кровавое рубилово Смоленского сражения, не осталось незамеченным британскими и американскими дипломатами и имело долгосрочные политические последствия.

Но главной потерей германской стороны оказались не солдаты и офицеры, а все четыре танковых группы, сгоревшие в ходе тщетных попыток верховного германского командования нанести поражение экспедиционной группировке ВС РФ. Не достигнув ни той, ни другой цели и растратив почти всю наличную бронетехнику, германское командование лишилось своей основной ударной силы. В результате чего немецкие трофейные команды по второму кругу были вынуждены собирать по полям и лесам Белоруссии и Украины подбитую и брошенную в начале кампании советскую бронетехнику. Из двух подбитых танков Т-34 или КВ немецкие механики собирали один, при этом восхищаясь замыслом советских конструкторов и ужасаясь заводской халтуре при его исполнении. Исправные трофейные советские танки старых серий (самые многочисленные среди брошенного бронехлама) планировалось использовать в качестве тягачей, а неисправные – в качестве закопанных в землю неподвижных огневых точек. Благо снарядов к 45-мм пушкам и винтовочных патронов русского образца на фронтовых складах Западного фронта было захвачено более чем достаточно.

Поступления собственной германской бронетехники в войска во второй половине сорок первого года были минимальными – так, например, в нашей истории во втором полугодии сорок первого года всеми четырьмя танковыми группами с заводов суммарно было получено только сто новых машин. Это Гитлер, уверившись в реальности плана «Барбаросса», перед самой войной приказал резко сократить производство новых танков, рассчитывая на то, что Советская Россия будет разгромлена, и тем их количеством, которое уже имеется в войсках. Следующими на очереди должны были стать британцы и американцы, а для их разгрома требовалось построить огромный военно-морской флот, для чего тоже в огромных количествах требовался металл.

Помимо подбитых советских танков, на полях сражений и вдоль дорог немецкие трофейщики также собирали и приводили в порядок брошенную при отступлении советскую артиллерию. Только в составе соединений первого стратегического эшелона в полосе ЗапОВО имелось в наличии четырнадцать тысяч орудий и минометов, плюс брошенные при отступлении склады боеприпасов, предназначенные для снабжения этой артиллерийской прорвы снарядами. И все это богатство практически в полном составе по милости генерала Павлова досталось немцам.

Только вот даже с врожденными германскими организационными талантами процесс организации сбора, ремонта и вторичного использования трофейной

техники был небыстрым, и к началу ноября он находился в самом разгаре. Танки и пушки еще требовалось отыскать, притащить на рембазы, а затем полностью перебрать с заменой самых ответственных деталей на запчасти немецкого производства. Иначе какой прок от танка, если после ста-ста пятидесяти километров пробега у него напрочь сточатся зубья на шестернях коробки передач либо же выйдет из строя главное сцепление или бортовой фрикцион.

«Дрянной металл, герр гауптман, – скажет своему начальнику немецкий ремонтник, обтирая замасленной тряпкой руки, – нет другого выхода, кроме как делать все заново.»

С советской стороны, несмотря на огромные, по довоенным меркам, потери, все было значительно веселее. Проведя первые три волны всеобщей мобилизации, к первому октября СССР сумел поставить под ружье более четырнадцати миллионов человек, из которых два с половиной были направлены в составе маршевых батальонов на пополнение втянутых в бои частей и соединений РККА, остальные были обращены на формирование новых частей и соединений. Часть из формирующихся по мобилизации дивизий в составе Брянского, Резервного и Западного фронтов даже успели принять участие в Смоленском сражении и получить боевой опыт, в том числе и при взаимодействии с Экспедиционными силами Российской Федерации. Теперь эти дивизии, получившие боевой опыт в ходе Смоленского сражения, заняли позиции на оборонительных рубежах по Днепру.

В то же время Экспедиционные силы РФ, хоть и не понесли значительных потерь, еще в середине сентября были отведены в резерв Западного направления. Основную свою задачу – подорвать ударный потенциал вермахта – они выполнили, и теперь танковые и мотострелковые дивизии играли роль пугала за кадром. Пусть германские генералы помянутся головной болью от мысли, где и когда эти части снова могут объявиться на фронте, и чем тогда придется расплатиться вермахту за их визит. Это они еще не знают, как ловко выходцы из двадцать первого века умеют дурить головы местной доверчивой деревенщине при помощи надувных танков и самолетов... Впрочем, это уже совсем другая история, относящая не к прошлому, а к будущему.

Кроме всего прочего, в Экспедиционных силах прошла ротация, вследствие чего две трети личного устава убыли в 2018 год, а вместо них прибыли еще не нюхавшие пороха и советских порядков новички, в том числе и из числа добровольцев. Но отвод во второй эшелон танковых и мотострелковых дивизий

ВС РФ отнюдь не означал, что Экспедиционные Силы самоустранились от влияния на развитие событий на фронте. К концу сентября по обе стороны портала были достроены ВПП из сборных ЖБ плит, позволяющие принимать любые типы самолетов, вплоть до Ил-76/78 и Ту-22М3. Это обстоятельство привело к значительному наращиванию авиационной группировки ВС РФ и ее активным действиям (в основном на западном направлении). Если Су-24, Су-27 и МиГ-29 базировались непосредственно у портала на аэродроме Красновичи, то Су-25 вместе с Ми-24 поэскадрильно распределили на прифронтовые аэродромы, а эскадрилью Ту-22М3 забазировали на аэродром Кратово, откуда они, ужасные и неуязвимые, вылетали в рейды по вражеским тылам. По бомбовой нагрузке каждый такой самолет равен полку АДД на Ил-4, а вся эскадрилья Ту-22М3 по ударной мощи соответствует отдельной воздушной армии АДД.

Кстати, снабжение российских бомбардировщиков топливом и боеприпасами легло на советскую сторону. Производство реактивного топлива ТС-1 на советских НПЗ оказалось не столь сложным делом. К тому же производство авиакеросина не конкурировало по сырью с производством фракций авиационных и автомобильных бензинов и фракций дизельного топлива. В это время керосин – это исключительно топливо для примусов и керосиновых ламп, и не более того. Что касается основного бомбового груза, в больших количествах вываливаемого на немецкие головы, то для этого вполне сгодились советские авиабомбы ФАБ-250 и ФАБ-500. Перепаханные вдоль и поперек нефтепромыслы в Плоешти, а также Варшавский железнодорожный узел являются тому вполне достойными свидетелями. И самое страшное для немцев заключалось в том, что от этих самолетов не спасали никакие зенитные орудия. Их внезапное появление, разящие удары и стремительное исчезновение уже стали в вермахте притчей во языцах. Впрочем, ближе к фронту, где работали самолеты поменьше и попроще, немецким солдатам тоже было не легче. Например, Су-25 с подвешенными ГУВами за один заход запросто способен начисто выкосить не успевшую вовремя разбежаться роту маршевого пополнения.

Кстати, райцентр Сураж по-прежнему является неофициальной «столицей» Экспедиционных сил, именно тут располагается их штаб. И Варвара Истрицкая по-прежнему работает в разведотделе этого штаба переводчицей, только уже как российская гражданка. Коллеги уважают ее за профессионализм и выдержанность характера, она на хорошем счету у начальства, и сержант полиции Василий, работающий шофером при группе российских журналистов, все так же является ее поклонником и женихом. Ведь она такая замечательная, образованная, прямая и честная, и в то же время не распущенная и хамовитая, как многие девушки в двадцать первом веке. Что касается Марины Максимовой,

то она за три месяца тоже пообтерлась и заматерела. Теперь она в стиле местных политработников носит белый полушубок-дубленку и такую же белую шапку-ушанку. И везде она своя. Для советских она – товарищ Максимова, для своих – Марина Андреевна или, в крайнем случае, Мариночка. Ее репортажи с этой войны выходили в новостных блоках ВГТРК и телеканала «Звезда», а несколько из них по просьбе советской стороны были переведены на пленку и направлены в кинотеатры для включения в киножурналы, демонстрируемые перед основным сеансом. Русский немец Николас Шульц по-прежнему при ней и по-прежнему работает над переводом захваченных документов. Его российское гражданство пока еще впереди, потому что, в отличие от Варвары, в его биографии не все так ясно и гладко. Но он тоже на хорошем счету у начальства, так что и у него в итоге все будет хорошо.

Что касается положения дел на 10 июля 2018 года, то оно, можно сказать, обычное. Война в 1941 году совершенно не сказалась на жизни большинства обычных российских граждан, как не сказывается на ней война в Сирии. Своим чередом наступил мундиаль и своим чередом г-н Медведев выступил с грабительской инициативой о повышении пенсионного возраста. Только вдруг неожиданно модным стали стиль милитари сороковых и цвет хаки. И наряжены в этом стиле были не только россияне и россиянки, но и гости мундиаля. Мода и экзотика в одном флаконе.

Что касается каких-то дополнительных санкций, которые могли быть наложены на Россию за ее запортальную войну с гитлеровскими европейскими цивилизаторами, то, как ни ждали их некоторые «люди со светлыми лицами» и альтернативно одаренные граждане соседнего государства на букву «у», то так ничего и не дождалось. Уж больно нерукопожатной персоной даже в двадцать первом веке является господин Гитлер, и даже малейшее выражение симпатии к этому господину способно было не только испортить карьеру, но и полностью сломать судьбу тому, кто на это осмелится. Слишком много на нем крови и грязи, слишком людоедские идеи он исповедовал. Слишком близко человечество в сороковых годах двадцатого века подошло к краю воронки, из которой уже не было выхода.

Единственная страна (помимо Украины) в которой такие люди, выражающие симпатии к Гитлеру, могут существовать, не подвергаясь всеобщему и ежедневному остракизму, это, как ни странно, Россия. И, как ни странно, большинство лиц, выражающих такие симпатии, принадлежат к тем самым национальным группам, чей вопрос по окончании войны Гитлер собирался

решить окончательно и бесповоротно. Уж слишком захватывает этих людей животная ненависть к большевизму в его сталинском изводе, что они готовы были похоронить его даже ценой существования собственного народа. И это при том, что при советской власти большинство из этих деятелей процветали, занимали достаточно высокие посты, находились в фаворе, получали ордена и государственные премии. А потом пришел девяносто первый год – и они дружно стали охаивать то, что ранее превозносили, и превозносить то, что раньше охаивали. Но это уже клиника и непаханое поле для работы врачей-психиатров; а все остальные воспринимают этих клоунов как юродивых, сиречь придурков.

Часть 9. Затишье перед бурей

2 ноября 1941 года, 15:25. Москва, Кремль, кабинет Верховного Главнокомандующего

Вождь стоял перед картой СССР и смотрел на жирную красную линию, с севера на юг из края в край пересекающую территорию СССР от Балтики до Черного моря. Теперь, когда фронт окончательно стабилизировался, эта линия отделяла те территории, которые удалось отстоять, от оккупированной врагом части СССР. Вождь понимал, что без туннеля, соединяющего два мира и без Экспедиционных сил, пришедших на помощь СССР с той стороны, положение сейчас было бы гораздо хуже. Вождь уже ознакомился с информацией о том, как это было в другой истории, и осознавал, что тогда все висело на волоске. Сделай он неверный шаг, поддайся уговорам соратников уехать вслед за дипломатами в Куйбышев – и все, фронт, и так державшийся на честном слове, посыпался бы со страшной силой. И остановить это разрушение всего и вся уже не было бы никакой возможности, потому что с того момента больше ни один боец не верил бы своим командирам и политработникам.

Вождь положил на стол потухшую трубку и задумался. Если миров оказалось два (то есть больше, чем один), то их может быть вообще неограниченное множество. Законам логики это не противоречит. А значит, может существовать и такой мир, где он, уже приехав на вокзал, не вернулся бы обратно в Кремль, а сел бы в бронированный поезд и поехал бы в Куйбышев. А разваливающийся фронт катился бы позади него мутной волной разбегающихся в панике дезертиров, которых в свою очередь преследовали бы изрядно обрадованные

таким поворотом событий германцы. Однажды в России уже такое произошло – когда царь Николай отрекся от престола и огромная страна сразу стала расплзаться как прелая портянка. Если один раз дать слабину и потерять столь трудно накопленный авторитет, то потом его уже не удастся вернуть никакими усилиями, как не удалось реставрировать старую власть многочисленным белогвардейским осколкам буржуазной России.

Выколов в пепельницу трубку, Сталин принялся набивать ее свежим табаком из раскрошенной папиросы, продолжая размышлять. По сути, его отъезд в Куйбышев, каким бы очевидным ни казался этот шаг, означал бы полный крах идей большевизма и невозможность его реанимации. Когда там, в мире будущего, Никитка после его, Сталина, смерти, затеял его дискредитацию, то обрушил не только свой авторитет (черт бы с ним), не только оттолкнул от себя китайских и албанских товарищей, но еще и подорвал веру в саму коммунистическую идею, вырвав из нее один из краеугольных камней. Прошло совсем немного времени – и выхолощенная, потерявшая всю жизненную силу коммунистическая идея рухнула точно так же, как вместе с крахом Российской империи окончательно и бесповоротно рухнула идея монархии. Идеи совершенно разные; а вот, как оказалось, живут и умирают они по одним и тем же правилам. Это надо запомнить.

Сделав этот вывод, Сталин чиркнул спичкой и, в две затяжки раскурив любимую трубку, подумал о том, что надо будет сделать все, чтобы люди, подобные Никитке, никогда не смогли попасть во власть, иначе напрасны будут все жертвы войны и радость победы. Но хоть теоретические размышления крайне важны (ибо без установлений причин краха СССР в частности и коммунистической идее вообще в среднесрочной перспективе все равно грозит смертельная опасность), сейчас важнее тактические соображения нынешней войны, уже полыхающей от моря до моря. Вождь внимательно всмотрелся в карту. Воспользовавшись оперативной паузой, буквально выбитой из немцев экспедиционными силами, удалось спокойно, без спешки и суеты, провести все три этапа всеобщей мобилизации, сформировать дивизии военного времени и отправить на фронт маршевые пополнения. Только вот некоторым дивизиям, сформировавшимся в непосредственной близости от направления вражеского прорыва, учиться пришлось прямо в бою. Для того, чтобы залатать дыры в разодранном в клочья западном направлении, советское командование было вынуждено бросать в бой только что сформированные, но необученные свежие дивизии, которые в ожесточенных боях своей кровью тормозили разбег железных колонн вермахта. Жестоко, но другого выхода до образования межвременного туннеля и прибытия экспедиционных сил у советских генералов

просто не было.

А потом пошла совсем другая война. Больше не надо было бросать под немецкие танки живых людей; немецкие танковые группы, столкнувшись с русскими танкистами из будущего, начисто выгорали в считанные дни. В результате чего советские стрелковые дивизии, приданные экспедиционным силам, делали работу нормальной пехоты, занимая и удерживая территорию, в то время как механизированные соединения из будущего ломали кости вражеским ударным группировкам и входили в прорывы, рассекая вражескую оборону будто скальпелем. Но когда Смоленское сражение завершилось, и враг потерпел в нем сокрушительное поражение, командование экспедиционных сил отвело все свои пять дивизий во второй эшелон. После этого ему, Сталину, заявили, что эти дивизии будут брошены в бой только в том случае, если немцы опять перейдут в наступление (что маловероятно) или если он, товарищ Сталин, предложит командованию Экспедиционных сил план глубокой наступательной операции, приводящей к стратегическому успеху на одном из четырех главных направлений.

Вождь пыхнул трубкой и хмыкнул. А почему бы и нет? Резервы, необходимые для проведения такой операции, Красной армией накоплены. Помимо семи с половиной миллионов бойцов и командиров, уже находящихся на линии фронта, в Казахстане, Средней Азии, Сибири и на Урале, сформировано еще десять резервных армий общей численностью до трех миллионов человек. И самое главное, в отличие от ситуации июля-августа, эти стрелковые дивизии прошли весь положенный курс обучения и боевого сколачивания, и теперь представляют собой реальную боевую силу, пусть пока и не имеющую практического боевого опыта. В основном это стрелковые дивизии; с бронетанковыми войсками и авиацией дело обстоит значительно хуже.

Боеготовая механизированная бригада нового облика имеется только одна, и укомплектована она в большинстве своем техникой, импортированной из-за межвременного портала. Выпуск гусеничных бронетранспортеров и боевых машин пехоты сейчас налаживается на Горьковском автозаводе в дополнение к плану по грузовикам, но общее количество готовых машин собственного производства пока исчисляется единицами. Но это, может, даже и к лучшему. Полковник Катукон, который в свое время немало прославился на той стороне портала, здесь также должен показать, на что годится смесь танковых и мотострелковых подразделений, когда их используют в качестве самостоятельного рода войск.

Еще из мобилизованных сформированы десять саперных армий, которые сейчас в поте лица укрепляют рубеж обороны по Днепру и, самое главное, укрепляют позиции на ключевых плацдармах. И самым спокойнее, и немцы, получив данные разведки, будут уверены, что всю зимнюю кампанию Красная армия намерена просидеть в глухой обороне. Линию обороны в глубине советской территории решили не строить, потому что, по данным, полученным от потомков, для того, чтобы такая тыловая линия в случае вражеского прорыва стала основой для новой линии фронта, необходимо заранее, до начала вражеского наступления, заполнять ее войсками фактически до штатной численности. В противном случае вражеские подвижные соединения, с легкостью обогнав отступающую советскую пехоту, преодолеют пустые окопы и неохранные противотанковые рвы и вырвутся на оперативный простор – крушить незащищенные советские тылы.

Так это и было с построенным в прошлой истории в полосе Юго-западного фронта резервным рубежом, который немцы летом сорок второго года преодолели с необычайной легкостью. А вот Можайская линия обороны, заранее заполненная войсками, сумела задержать врага почти на месяц, позволивший Красной Армии подтянуть резервы, окончательно остановившие врага.

Вождь задумался. Пока что резервные армии находятся в пунктах формирования, но сейчас назрел вопрос об их переброске на фронт. Половину резервных армий стоит перебросить на направление главного удара, остальными усилить прочие фронты, ведущие сейчас с врагом тяжелую борьбу. Осталось только определить, где именно расположено это самое главное направление. На некоторое время вождь застыл перед картой, задумчиво посасывая уже потухшую трубку. Четыре фронта, четыре направления главного удара. Южным фронтом – от Херсона на Одессу, с целью ее деблокирования. Юго-западным фронтом – от Киева в расходящихся направлениях на запад, юг и север. Брянским и Западным фронтами – от Жлобина и Орши на Минск, с целью нового окружения и разгрома основных сил группы армий «Центр». Северо-западным фронтом – из района Невель-Великие Луки на Ригу, с целью разгрома группы армий «Север».

Если мыслить трезво, то у удара на Одессу перспективы сомнительные, потому что ударной группировке придется наступать поперек крупных водных преград зимой (которая на юге скорее не морозная, а гнилая), и к тому же с открытым правым флангом. Такая операция имеет смысл только в том случае, если ее поддержит общее наступление Южного и Юго-западного фронтов, требующее

не одной, а трех или даже четырех ударных группировок... Конечно, можно придать каждому фронту по одной дивизии Экспедиционных Сил, но с его, Сталина, точки зрения, такой образ действий не приведет ни к чему, кроме распыления ресурсов. К тому же еще неизвестно, согласится ли командование Экспедиционных сил на раздельное применение своих дивизий. Так что крупную совместную наступательную операцию Южного и Юго-западного фронтов следует отложить до того момента, когда у СССР появятся мехкорпуса нового облика. Ждать осталось не так уж и долго, потому что практически вся танковая промышленность СССР осталась в неприкосновенности и сейчас только наращивает выпуск боевой техники.

Крупное наступление на Западном стратегическом направлении сейчас тоже не может принести Красной армии особых выгод. Даже в случае успеха группа армий «Центр» будет всего лишь оттеснена западнее Минска, а фланги наступающей группировки окажутся под давлением со стороны вражеских групп армий «Север» и «Юг». Такая операция будет рациональна, когда советские войска углубятся далеко на запад на Украине и в Прибалтике, и потребуются под корень срезать так называемый Белорусский балкон. Нет, в полосе Западного и Брянского фронта можно учинить отвлекающее наступление, которое для неискушенного взгляда будет выглядеть как продолжение (точнее, возобновление) Смоленской операции. А вот когда немцы начнут перебрасывать в Белоруссию свои резервы, тогда и наступит время для наступления в Прибалтике.

Сначала – артподготовка из двухсот орудий на километр фронта и свирепый штурм вражеских позиций бывшими штрафными, а ныне штурмовыми батальонами. Потом – стремительный, как взмах меча, рывок танковой армии на Ригу – и вот уже отрубленная голова фон Лееба, тупо хлопая глазами, катится прямо под ноги. В переносном смысле, разумеется. Задачей такой операции может быть полное окружение, разгром и уничтожение группы армий «Север», а также установление стабильной линии фронта по Западной Двине от Риги и до Витебска. Решив эту задачу и отодвинув фронт от Ленинграда на безопасное расстояние, можно будет взять очередную паузу и подумать, что делать дальше. Ну что же, принципиальное решение принято, а дальше пусть делом занимаются специалисты.

Сделав несколько шагов, Сталин подошел к своему рабочему столу и снял трубку телефона ВЧ.

– Алло, – сказал он, – Борис Михайлович, приезжайте немедленно в Кремль и прихватите с собой товарища Василевского. Для вас обоих есть очень серьезное задание партии и правительства, которое необходимо выполнить в кратчайшие сроки.

* * *

3 ноября 1941 года, 19:16. Минск, штаб группы армий «Центр».

Генерал-фельдмаршал Вильгельм Лист

За окном давно стемнело, да и окна эти были хорошо задернуты плотными шторами. Там, за окнами стоял непривычный для немцев мороз в минус пятнадцать градусов, и страшным голосом выла вьюга. Генерал-фельдмаршал сидел в мягком кресле и смотрел, как, треща и стреляя искрами, сгорают в камине березовые дрова. В душе у командующего группой армий «Центр» было так же темно и мрачно, как и на улице, где под пронизывающим ветром, бросающим в лицо колючие пригоршни снега, в своих тонких шинельках, спасаясь от холода, топчутся сейчас немецкие часовые.

«Уже теперь ужасно холодно... – думал он, – а ведь ноябрь – это формально еще осень. Что будет, когда наступит настоящая зима? Морозы в минус сорок и птицы, замерзающие на лету, как о том врал барон Мюнхгаузен... Снега будет столько, что он будет засыпать дома по самую крышу, и над бесконечной белой равниной будут торчать только луковицеобразные маковки русских церквей... Хорошо русским – они привыкли и к метелям, и к морозам. В Германии такая погода зимой бывает только в Тироле, и тамошние жители к ней привычны; но там горы, а тут равнина...»

С наступлением первых холодов генерал-фельдмаршал Лист отдал приказ начать конфискацию теплых вещей у местного населения. Впрочем, теплыми вещами конфискации обычно не ограничиваются. Германской армии требуются не только они, но и множество других вещей, включая продовольствие, рабочих лошадей, а также дармовую рабочую силу. Но конфискациями и принуждением к бесплатному труду удалось добиться лишь резкой активации просоветских повстанческих банд. Оказалось, что по местным деревням осело множество хорошо вооруженных солдат и офицеров большевистской армии, которые, защищая местных жителей от германских войск, немедленно взяли за оружие.

Чем больше свирепствовали против бунтовщиков германские охранные дивизии и силы безопасности (ГФП), чем больше было расстрелов заложников, коммунистов, комсомольцев, советских активистов, да и просто интеллигентов, тем яростнее становилось это сопротивление.

Банды становились крупнее, сплоченнее, а у администрации генерального комиссариата «Вайсрутения» крайне недостаточно сил на их подавление. Полиция из местных антисоветских элементов оказалась малонадежной и малобоеспособной, айнзацкоманды и зондеркоманды сбивались с ног в поисках мелких бандгрупп и гибли до единого человека, напоравшись на хорошо вооруженные и обученные команды таинственных «мясников», получивших такое прозвище за то, что после боя они не оставляли в живых ни одного врага. Эти «мясники» будто специально охотились на карательные подразделения, при необходимости привлекая к своим делам не только местных бандитов, но и авиацию пришельцев из будущего, которых в вермахте окрестили «марсианами». Группенфюрер Артур Небе, командир айнзацгруппы Б, ответственной за территорию Белоруссии, говорил, что от дела этих «мясников» отчаянно несет серой. Ну не могут действовать с такой эффективностью даже лучшие кадровые подразделения большевистского НКВД. Или это готовые отряды боевиков «оттуда», или коммунистические фанатики, прошедшие дополнительную подготовку у инструкторов из числа «марсиан», таким образом получившие в свое распоряжение их возможности и спецвооружение.[2 - Группенфюрер Небе еще не знает, что у этих разведывательно-ударных рот специального назначения смешанный личный состав из солдат и офицеров российских разведбатов, а также бойцов ОСНАЗ НКВД. А снаряжение и вооружение у них действительно из будущего, поэтому в случае боестолкновений такие роты способны создавать просто запредельную плотность огня.]

И результат, как говорится, налицо – полиция безопасности и силы СД проигрывают «мясникам» и местным бандитам битву за тылы группы армий «Центр». На железнодорожных и шоссейных магистралях, питающих войска группы армий всем необходимым, чуть ли не ежечасно происходят диверсии, обстрелы и акты вредительства, и потому человек, говорящий по-немецки, в относительной безопасности может чувствовать себя только там, где стоят крупные армейские гарнизоны. Первое хуже всего, потому что от него страдает снабжение сражающихся войск, и так недополучающих самое необходимое. Обидно же, господа, когда с таким трудом выбитые у командования теплое обмундирование, патроны, снаряды и прочие вещи вместо попадания на фронт достаются бандитам, или сгорают в бессмысленных пожарах во время диверсий

и подстроенных железнодорожных катастроф. А такое в последнее время стало случаться слишком часто.

Армия тоже мало чем может помочь силам безопасности в этой борьбе, потому что германские солдаты в первую очередь отчаянно требуются на фронте. После того как 9-я, 4-я и 2-я полевые армии по милости предыдущего командующего Федора фон Бока почти в полном составе погибли в отчаянном и бессмысленном сражении за смоленский выступ, первоначальный состав группы армий «Центр» был уничтожен практически полностью. Поступившие взамен погибших солдат уничтоженных армий маршевые пополнения из новобранцев и возвращающихся из госпиталей солдат, а также сводные кампфгруппы, прибывшие из других групп армий, как-то удалось скомпоновать в три вновь сформированные армии, но их сил хватало только на удержание фронта и ни на что более. Перед войной считалось, что для охраны тылов будет достаточно всего одной охранной дивизии на группу армий, и сформированы эти дивизии будут из солдат старших возрастов, помнящих еще прошлую Великую Войну. Как оказалось, это был чрезмерный и неуместный оптимизм, потому что если исходить из действительного положения дел, то для охраны тылов требуется держать целую армию – то есть от шести до восьми полнокровных дивизий, укомплектованных молодыми сильными солдатами, которые отчаянно нужны ему, фельдмаршалу Листу, в окопах на фронте.

И пусть ужасающие своей запредельной силой подвижные соединения «марсиан» в последнее время как-то скрылись из виду, но в воздухе продолжает свирепствовать их авиация, а в большевиках, если судить по рассказам чудом выживших старожилов этой кампании, больше нет той робости и неуверенности, которые преследовали их в самом начале войны. И хоть, по докладам разведки, большевистские войска, противостоящие группе армий «Центр», подобно кротам, озабочены только постройкой новых и обустройством старых полевых укреплений, на сердце у командующего все равно неспокойно. Там, на той стороне, все копится и копится неисчислимая масса людей с винтовками, которых большевики призвали по своей всеобщей мобилизации. Неизбежно настанет тот момент, когда прозвучит приказ – и все эти толпы, численно превосходящие вверенные ему германские войска раз в десять[3 - На самом деле только в три раза, но у страха перед пришельцами из будущего глаза особенно велики.], ползут из своих окопов наружу, уставив перед собой стальную щетину из штыков. И только одно желание будет гореть в глазах этих большевистских фанатиков – добежать до своего немецкого оппонента и либо пырнуть его штыком, либо зарубить засунутой за пояс саперной лопаткой.

И вот тогда настанет настоящий момент истины, потому что сдержать этот русский паровой каток будет некем и нечем. А если вместе с ними еще ударят, как это было в августе, еще и подразделения «марсиан» – тогда для немецких солдат действительно настанет настоящий конец света. Если русские ударят в полную силу, то он, фельдмаршал Лист, даже не представляет себе, чем он будет останавливать разъяренного Зверя из Бездны. Как показало Смоленское сражение, для «марсиан» не существует никаких преград и они с одинаковой легкостью громят как полевые армии, состоящие только из пехотных дивизий, так и подвижные танцгруппы. И такое вражеское наступление с каждым днем становится все вероятнее, ведь, по донесениям фронтовой разведки, на плацдармах у Жлобина, Могилева и у Орши, несмотря на меры маскировки со стороны противника, уже обнаружены мелкие подразделения чудовищных длинноствольных танков[4 - Это знаменитые надувные танки морочат голову германскому командованию, чтоб оно видело опасность там, где ее нет и не видело там, где есть.] «марсиан», которые, как видно, совсем не боятся ни снегов, ни морозов.

Пройдет еще совсем немного времени – и эта железная лавина тремя потоками рванет на запад, по пути в клочья разрывая немецкие тылы. Гальдер с Йодлем считают кошмаром неподвижный позиционный фронт в стиле прошлой Великой войны, но он, фельдмаршал Лист, считает, что такой роскоши, как затяжная позиционная война на истощение и последующая почетная капитуляция, Германии никто не предоставит. Все будет гораздо brutальнее, потому что «марсиане» уже показали, что умеют вести стремительную маневренную войну, окружать и уничтожать, и сейчас всему этому они учат самых способных большевистских генералов. Нет, окончательное поражение Германии неизбежно – и непонятно, на что еще надеются в Берлине. Все было предрешено еще в том момент, когда открылась межмировая дыра и из нее полезли эти вооруженные до зубов жуткие русские из будущего. И с каждым днем они становятся только сильнее. Как известно, в самом начале их силы вообще не располагали никакой авиацией; теперь же их пусть и немногочисленные, но крайне эффективные стреловидные самолеты господствуют в воздухе.

Теперь понятно, что эта война будет идти до полного разгрома и истребления германской армии, после чего перед большевиками и их чудовищными союзниками окажется открытой вся Европа. И вот тогда настанет время, когда европейцам, и в первую очередь немцам, придется вспомнить слова «Горе побежденным», которые совсем не будут преувеличением. Но он, фельдмаршал Лист, этого уже не увидит, потому что погибнет раньше, чем это случится. Есть у него такое предчувствие.

* * *

07 июля 2018 года, 23:55. Московская область, государственная дача «Ново-Огарево».

Президент посмотрел на часы, стрелки которых показывали без пяти минут полночь. Только что закончился матч одной четвертой финала чемпионата мира по футболу Россия-Хорватия, и с этим матчем для Президента, как и для множества россиян, чемпионат и закончился. Бились российские футболисты отчаянно, борьба до самой последней минуты была равной, миллиметр в миллиметр; но вот на серии пенальти нервы у них не выдержали. Всего одна оплошность – и остается только сожалеть об упущенной возможности выйти в полуфинал; но не может же он, Путин, еще и учить футболистов, как им надо играть. У них на это тренер есть, а у него и своих, президентских, хлопот полон рот. Для него теперь это мундиаль – явление скорее экономического и политического характера, явная демонстрация материального благополучия и авторитета Российской Федерации – ведь так называемый «весь мир» не исчерпывается Соединенными Штатами, Великобританией, Германией и Францией. Пока футболисты катали свой мяч, вокруг Чемпионата делалась большая политика.

С некоторых пор установилась закономерность, что как только Россия успешно проводит подобное мероприятие, тут же вокруг нее случается какая-нибудь провокация, обостряющая военно-политическую обстановку. Блестящая Сочинская Олимпиада была испохаблена безобразным допинговым скандалом и, самое главное, прозападным мятежом на Украине. Можно ли было тогда, по горячим следам, вернуть все на место? Наверное, можно, ведь Янукович даже написал бумагу с просьбой помочь ему восстановить на Украине конституционный порядок. Правда, несмотря на наличие разрешения от Совета Федерации, просьбу президента Януковича помочь восстановить на Украине конституционный порядок, а также уже готовые к вводу войска, делать этого все-таки не следовало. И тому было несколько причин.

Во-первых – свергнутый президент почти сразу испугался гнева западных лидеров и отозвал свою подпись на обращении с просьбой о восстановлении Конституционного порядка. Во-вторых – из-за его постоянных метаний в стиле испуганной курицы к тому моменту Януковича бросили даже ближайшие соратники. В-третьих – сопротивление перевороту сосредоточилось

исключительно на Юго-востоке Украины и вылилось в форму воскресных митингов и демонстраций, иногда сопровождающихся захватами административных зданий, которые, впрочем, к концу дня возвращались обратно под власть администраций. Ведь митингующим надо было идти домой ужинать, а назавтра собираться на работу, отложив свой протест до следующего воскресенья. Потом, когда в Одессе таких протестующих демонстративно сожгли живьем при молчаливом одобрении Евросоюза, протест тут же затух и больше не проявлялся.

Единственными, кто восстал против мятежников всерьез, были крымчане, которых поддержал местный Парламент, сначала выведший республику из состава Украины, а потом подавший прошение о присоединении ее к России. То же сделали и две области Донбасса, где народный протест был так силен, что его вождям все же удалось взять власть. Но на Донбассе все было не так однозначно, как в Крыму. Вожди протеста, как и поверившие им массы, сначала боролись исключительно за федеральное устройство Украины, а потом, когда стало понятно, что это невозможно, решили стать независимыми мини-государствами вроде Монако, Лихтенштейна или Сан-Марино. В таком виде их и застала бандеровская карательная операция. В то время как немногочисленные ополченцы сражались с натиском перешедшей на сторону бандеровцев армии, основная часть населения делала вид, что не происходит ничего из ряда вон выходящего. Мол, на референдуме они проголосовали, и теперь все остальное пусть делает Путин. Таким образом, характерные для всей Украины иждивенческие хатоскрайнические настроения (которые были сильны и на Донбассе) сумели выключить из активного сопротивления множество сочувствующих русскому миру. Нет, эти люди были против бандеровцев, захвативших власть в Киеве, но и пойти в ополчение считали для себя неприемлемым, считая, что делать это за них должен кто-то другой.

Мог ли он, Путин, в таких условиях, когда почти никто из местных не желал пошевелить и пальцем, бросить российских солдат разгребать эту кашу голыми руками? Да, сначала у него было такое желание, но потом он изменил свое мнение. Русские солдаты не должны были гибнуть только потому, что украинские аборигены решили, что их хата с краю и их ничего не касается. Тем более что никакой благодарности от спасаемых не ожидалось, а вот проклятий с их стороны и цинковых гробов может быть более чем достаточно. Поэтому нет, нет и еще раз нет.

Каждый должен был получить то, за что он голосовал на референдумах и за что был согласен бороться. Крымчане – российское гражданство и защиту Российской армии, жители Донецкой и Луганской республик – материальную поддержку и помощь добровольцами, а остальные – ровным счетом ничего, кроме возможности приехать в Россию как политические беженцы. И никаких обид. За что каждый боролся, то и получил. Там, в Европе и в Америке, были в бешенстве от такого решения, потому что, разжигая майдан, они рассчитывали превратить Украину в некое подобие Афганистана, бездонную прорву, в которую без остатка будут уходить материальные ресурсы, человеческие жизни и политический авторитет. Но война за евроассоциацию, кружевные труселя и пенсии в евро так и не состоялась, Россия на нее не явилась. Не удалось бандеровцам сломать через колено и Донбасс. В ожесточенных боях ополченцы отстаивали право на свой язык и свои идеалы. Хотя одно время, когда там было особо тяжело, гуманитарные конвои из России в Донецк и Луганск ходили регулярно как трамваи.

Но России тоже пришлось заплатить определенную цену за решение принять в свой состав Крым и поддержать борьбу народа Донбасса. Бенефициары украинского переворота просто из кожи вон лезли, чтобы уязвить Россию, создать ей проблемы и сложности, заставить нести материальные потери. Санкции следовали за провокациями, вроде сбитого украинскими зенитчиками малазийского Боинга, а за санкциями следовали новые провокации.

Тем временем события развивались своим чередом. Нормандский процесс, Минск-1, Дебальцево, Минск-2... Нудные, вязкие как патока, переговоры, нужные только для того, чтобы потянуть время. Причем это обоюдно делали обе стороны – в надежде на то, что у противника раньше закончатся ресурсы и воля к сопротивлению. Вожди майдана и их вечно пьяный президент лелеяли надежду, что Россию раздавит западными санкциями, а он, Путин, надеялся, что полоумная и вороватая украинская власть влезет в неотдаваемые долги и окончательно надоест своим кураторам.

Ни та, ни другая надежды пока не оправдались; экономика России, пережив тяжелые времена, резко уменьшила свою зависимость от внешних воздействий и теперь постепенно восстанавливается; однако и кураторы преступного киевского режима не утратили надежды – не мытьем так катанием – добиться своего. И этот чемпионат мира по футболу, который Россия, как всегда, провела на высочайшем уровне, в очередной раз показывает, насколько тщетны их надежды, а раз так, то стоит ждать новых провокаций и новых санкций, в том

числе и по абсолютно надуманным поводам. Да что там далеко ходить – еще никто не смог предоставить неопровержимых доказательств ни по делу сбитого малазийского боинга, ни по так называемому делу Скрипалей, ни по делу о вмешательстве русских хакеров в американские выборы, ни даже по делу о государственной поддержке допинга в Российском спорте. Последнее дело основано на показаниях одного-единственного человека, уволенного со службы за профессиональную непригодность. Но, несмотря на то, что все эти дела оказались чистыми пустышками, вокруг них активно раскручивалась пропагандистская кампания, за которой неизбежно должны были последовать новые санкции. Но это было нормально – то есть ожидаемо. В последнее время российская экономика, обросшая от этих санкций толстой шкурой, только лениво почесывалась, как от комариных укусов.

Президент криво усмехнулся. Единственную неприятную неожиданность преподнесли не западные «партнеры», а собственное правительство – господин премьер со своей либеральной командой, затеявшие в самый разгар чемпионата по футболу пенсионную реформу. Если бы не чемпионат, взрыв народного возмущения был бы неизбежен. Да и он сам первоначально находился в состоянии, гм, весьма далеком от уравновешенного, потому что эти деятели с пониженной социальной ответственностью (это о правительстве) со своей этой пенсионной реформой подставили его по полной программе, ибо перед выборами он обещал народу нечто прямо противоположное, а свои обещания он привык выполнять.

Можно, конечно, отправить этих деятелей в отставку, но на кого их менять? На таких же, но только еще не мятых, просто бессмысленно. Например, замена Кудрина на Силуанова почти ничего не изменила в состоянии российских финансов. Нового министра по большей части так и зовут «исполняющий обязанности Кудрина». Замена шила на мыло не в его стиле. Поддался на уговоры, назначил вместо арестованного Улюкаева молодого прохвоста Орешкина, который обещал невиданный рост экономики – тотчас, как только он составит какой-то особенно гениальный план. И что? План есть, но роста экономики нет, как и не было, зато есть почти каждодневные упреки в слишком активной внешнеполитической деятельности, которая ведет только к усилению санкционного давления.

Поставить же премьером экономиста левых убеждений – того же Глазьева или профессора Катасонова – и хрупкая российская экономика просто не выдержит резкого разворота влево. Даже если такое правительство будет действовать

предельно осторожно, при новости о его назначении паника разыграется не хуже, чем после дефолта в девяносто восьмом. Конечно, потом начнется качественный и количественный рост (и очень быстрый), но до роста страна может просто не дожить. Увидев минутную слабость, «партнеры» непременно усилят свое санкционное давление, и одновременно из страны побежит с таким трудом репатриированный частный капитал. Рано еще; такой ход можно будет сделать не раньше, чем западные партнеры и их телодвижения будут окончательно выведены за скобки.

Первоначально он планировал путем отдачи предельно точных и конкретных указаний заставить нынешнее правительство совершить этот разворот влево, но эти надежды оказались тщетны. Предел компетенции этих людей – управление колониальной экономикой, экспортирующей сырьевые ресурсы и являющейся производной от экономик развитых стран. Назначать же одного из своих соратников – Козака, Шойгу или Иванова – техническим премьером президент пока тоже не хотел. Все они нужны на своих местах, так что этот вариант можно оставить в качестве запасного. А пока можно попробовать окружить этих деятелей из правительства таким количеством красных флажков, чтобы им самим эта пенсионная реформа встала поперек глотки.

Вот война в Сирии или война за порталом – это совсем другое дело, не то что мутные внутрироссийские политические интриги. Там российские солдаты ведут ожесточенную борьбу с лютыми врагами – международным терроризмом, исламским экстремизмом и гитлеровским фашизмом. И если в Сирии еще необходимо учитывать постоянное присутствие поблизости американцев и их младших братьев израильтян, от которых можно ждать любой пакости – то за порталом все проще и прозаичнее. Партнер там только один, то есть товарищ Сталин; и подлости с его стороны ждать не приходится. То есть от него можно ждать жесткости, прижимистости, идеологической зашоренности, твердости и неуступчивости, но с того момента, как удалось с ним договориться, соглашение будет работать как часы – весь оговоренный срок своего действия. Главное – не предавать самому, тогда и тебя не предадут. В дни кровавого августовского рубилова на западном направлении российские экспедиционные силы довольно быстро переломили ситуацию в свою пользу, избавив тем самым Красную армию от дальнейшего падения в бездну.

Отсутствие Киевского и Вяземского котлов, говоря военным языком, означало сохранение в строю миллиона активных штыков, а если чисто по-человечески, то миллиона чьих-то сыновей, братьев и отцов. Конечно, они вполне могут

погибнуть и позже, но все-таки многие из них останутся в живых. От тех ударов вермахт до сих пор охает и потирает бока, и важнейшим итогом смоленской операции, пожалуй, оказалось не возвращение линии фронта к Днепру (вдоль которого она проходила еще в начале июля), а полный разгром и уничтожение всех вражеских подвижных соединений, что почти полностью лишило вермахт наступательного потенциала. Нет, немецкие пехотные дивизии могли наступать и без поддержки танков, но только на очень небольшую глубину и действуя исключительно против заведомо слабого противника; а при данной конфигурации сил заведомо более слабой стороной оказались как раз германские войска.

И вот теперь, когда там, на той стороне, закончилась распутица и ударили первые морозы, товарищ Сталин предлагает план нового совместного наступления – из района Невель – Великие Луки на Ригу. От Советского Союза в предлагаемой операции примут участие имеющие боевой опыт 22-я и 26-я армии плюс пять свежих армий из резерва, больше половины которых – кавалерия, а от Вооруженных Сил РФ – все пять дивизий экспедиционных сил. Цель операции – одним стремительным ударом разгромить и уничтожить всю группу армий «Север» – так же, как августе-сентябре была разгромлена группа «Центр».

Шойгу и начальник Генерального штаба Герасимов подтвердили, что предложенная операция вполне имеет шансы на успех, а следовательно, с целью укрепления боевого братства принимать в ней участие можно и нужно. Самостоятельно с данной задачей РККА не справится. В-первых – нормальных подвижных соединений по-прежнему нет, а которые были, те полностью сгорели западнее Днепра. Во-вторых – для проведения такой операции у советского командования недостаточно боевого опыта. Большинство советских генералов (за исключением Жукова, Конева и Василевского) и в обороне едва способны двумя руками найти собственные задницы, так что их еще учить и учить, и лучше всего – на наглядном примере.

Взяв со стола ручку, президент еще раз перелистал план и, убедившись, что все понял верно, поставил в углу свою визу и дату. Теперь одна копия уйдет в Кремль сорок первого года к тамошнему товарищу Сталину, а оригинал поступит командующему экспедиционными силами генералу Матвееву.

* * *

06 ноября 1941 года. 17:05. Брянская область, райцентр Сураж.

Патриотическая журналистка Марина Андреевна Максимова, внештатный корреспондент «Красной Звезды».

С того дня, когда я впервые «вывела» Вареньку в двадцать первый век, прошло два месяца. И за это время с моей подругой произошли просто удивительные перемены. И я даже затрудняюсь сказать, с чем это связано в большей степени – с тем, что ей так нравится НАША эпоха, или же с тем, что она... влюбилась. Да-да, ее отношения с шофером Васей развивались бурно и стремительно, и ее окрыленность была заметна абсолютно всем встречным и поперечным, как она ни старалась это скрыть.

Словом, так или иначе, Варвара стала другой – более смелой и раскрепощенной, что ли... Преимущественно это проявлялось тогда, когда мы с ней делали вылазки ТУДА. Одевшись в соответствии с модой нашего времени, она и ощущать себя начинала по-другому. Ей нравилось ловить на себе заинтересованные взгляды мужчин, которые при этом ни капли не осуждали ее и не считали доступной. Нравилось любоваться на свое отражение в стеклах витрин. Словом, нравилось ощущать себя такой же, как и прочие девушки и женщины, что проходили мимо – яркие, сексуальные, уверенные в себе обитательницы третьего тысячелетия... Однако при всем при этом Вареньке как-то удавалось сохранять очарование непорочности, какой-то неискренности – это выдавал ее живой, заинтересованный взгляд, жесты, полные естественной грации, открытое лицо, искренняя улыбка и некоторая восторженность, всегда сопутствующая ей во время наших «вылазок».

Там, в НАШЕМ мире, мы шопили, гулял по паркам, посещали кафешки. Вася становился все более полноправным членом нашего узкого круга, и, разумеется, от меня не ускользнуло, как она ведет себя в его обществе – она явно флиртовала; да-да, вела себя так, как ведут себя женщины в любом из миров с понравившимся мужчиной. Она поправляла волосы, поводила плечами, облизывала губы и смеялась особенным, эротическим, серебристым смехом... Ну и он тоже проявлял свою заинтересованность – у мужчин это всегда заметно по горящему взгляду. Я была рада за этих двоих. Не надо было быть психологом, чтобы заметить, насколько хорошо они подходят друг другу.

И вот однажды настал тот момент, когда Варенька, покусывая губы и как-то виновато на меня глядя, сказала:

- Марин... А можно, я... можно, я разок съезжу ТУДА с Василием?

- Ой, ну конечно, чего ты спрашиваешь! - ответила я. - Ты свободный человек и вправе делать то, что тебе хочется. Вася - парень надежный, думаю, он будет тебе неплохим эскортом... - И я лукаво подмигнула подруге.

Она же мило покраснела и, не в силах скрыть свою радость, пролепетала, улыбаясь:

- Мариночка, ты же не обидишься, правда?

- Ну вот еще - обижаться! Я, наоборот, очень рада за тебя, что у тебя появился ээ... поклонник, - поспешила я ее заверить.

Тут Варя просияла и, мечтательно вздохнув, произнесла:

- Он замечательный, правда? Он такой умный, и честный, и... и у него такое горячее сердце!

- Ты влюбилась, да? - Вкрадчиво задала я риторический вопрос.

Тут Варя встрепенулась и как-то испуганно на меня посмотрела.

- Я? Нет-нет, что ты... - замотала она головой, но при этом невидимый амурчик так и порхал над ее головой. - Он мне просто нравится. С ним интересно...

- Да ладно по ушам-то пинать... - махнув рукой, ухмыльнулась я. - Видно же по тебе... Чего от меня-то скрывать?

- Ах, Мариночка... - томно вздохнула Варя, закатывая глаза и проводя рукой по волосам. - Как бы тебе объяснить... Слова - они опошляют высокие и трепетные чувства, особенно когда чувства эти еще так хрупки... Помните, как сказал Есенин: «О любви в словах не говорят...»

- Помню, - закивала я, - «о любви вздыхают лишь украдкой»...

И мы хором закончили:

– «Да глаза, как яхонты, горят»...

Мы посмотрели друг на друга и рассмеялись.

– Ладно, уела ты меня, Варвара, больше не буду о любви в словах говорить, – заверила я ее, слегка пристыженная. Это в нашем мире мы привыкли подробно обсуждать свои чувства с подругами, но здесь люди еще хранили трепетность в этом отношении, благоговение перед даром Любви. Размышляя на эту тему, я приходила к выводу, что это правильно. Наверное, у человеческой души свой язык, и пытаться достойно облечь ее порывы в обычную речь – задача, едва ли доступная обычным смертным... Разве что гениальные поэты могли в какой-то мере сделать это.

Итак, Варя укатила в двадцать первый век с Васей, я же задумалась о своей собственной личной жизни. Если посмотреть взглядом современного человека на наши отношения с Колей, то могло показаться, что за два месяца они никак не продвинулись. Мы по-прежнему гуляли, взявшись за ручки, и лишь иногда, когда мы оставались наедине, я позволяла себя поцеловать. Такое развитие событие было совершенно нехарактерно для моей страстной натуры. Но ведь я не была больше прежней... Эта эпоха подспудно оказывала на меня воздействие, ее ментальность проникала в меня помимо моей воли – и постепенно я становилась внутренне похожей на ЭТИХ людей. Так, на собственном примере, я поняла, что такое настоящая ассимиляция. Но для того, чтобы эта ассимиляция проходила благополучно (да и вообще состоялась), необходимо было ощущать неразрывное родство с теми людьми, среди которых находишься. Впрочем, нет, и этого недостаточно. Необходимо ЛЮБИТЬ этих людей. Ведь любовь – это и есть духовное сходство... И в этом случае у тебя не ничего не вызывает отторжения; даже, наоборот, то, к чему раньше имелось предубеждение, приобретает некий важный смысл... Это и происходило сейчас со мной, попутно навевая разного рода раздумья.

Тем не менее мои мысли неизбежно возвращались к моим отношениям с Николаем Шульцем. Мне нравилось погружаться в томную мечтательность, которую всегда вызывает влечение к определенному мужчине... То, что мы с ним уже больше двух месяцев считаемся парой и при этом «ни-ни», для меня самой было совершенно поразительным фактом. И ведь как-то я умудрялась сохранять стойкость, хотя просто сгорала от желания «затащить его в постель» (кстати,

выражение это теперь казалось мне до крайности пошлым, но выражаться по-другому, хотя бы мысленно, еще надо было учиться). Дело было в том, что я каким-то образом вдруг осознала всю прелесть таких вот «платонических» отношений, когда просто общаешься с человеком, узнаешь его, и при этом твое восприятие ничем не замутнено – ты воспринимаешь человека как он есть. И при этом приятно щекочет та мысль, что все самое вкусное еще впереди... А пока – предвкушение, неспешное узнавание... Узнавание до самого глубокого уровня, когда сначала сливаются души, и только потом настает черед для того, чтобы соединиться и телами... Вот в этом-то и заключается суть «настоящих» отношений. Когда человека и вправду узнаешь «до дна», в дальнейшем секс только закрепляет эту связь, не говоря уже о том, что он бывает поистине феерическим... Впрочем, на эту тему можно долго рассуждать, но главное то, что теперь меня греет приятное чувство надежности и стабильности, уверенность в том, что я, так сказать, «следую правильным курсом».

Сегодня здесь, в 1941-м году, царствовала какая-то особая приподнятость. И это было неудивительно – ведь завтра великой стране предстояло отмечать важную дату, 7-е ноября, день Великой Октябрьской Социалистической революции. Праздник этот, без преувеличения, являлся наиглавнейшим в Советском Союзе на протяжении всего его существования. И только в самом конце, после шестьдесят пятого года на пьедестале его потеснил Праздник Победы 9-го мая, который после 91-го года остался единственным Великим Праздником страны. Но пока это не так. Мне даже припомнилось, как родители рассказывали о грандиозных утренниках во времена их детсадовского детства, где возносилась слава дедушке Ленину и воспевалось мужество советского народа. Вспоминали стишки, вроде: «День Седьмого Ноября – красный день календаря...» И папа, рассказывая об этом, грустно вздыхал и сетовал, что забываются героические страницы нашей истории, глубокомысленно добавляя, что «у того, кто забудет прошлое, нет будущего». Он говорил, что нынешней молодежи незнакомо то воодушевление и гордость за свою страну, что были свойственны их с мамой современникам. И я с интересом слушала то, что они рассказывали о той жизни – о том, как дружно все жили и доверяли друг другу, как все было бесхитростно и честно – и в самом деле дивилась, в душе, конечно, имея невысказанное подозрение, что родители несколько приукрашивают – ведь это неизменное свойство воспоминаний.

Однако теперь, по мере того, как я все больше вливалась в это, советское, общество, я все больше убеждалась, что то, о чем я слышала из уст своих родителей – самая настоящая правда. Советские люди! Они и вправду оказались другими – ни одна эпоха, пожалуй, не рождала подобных людей. И самым

главным в них оказалось то, что они представляют собой могучую общность. В массе своей они не разрознены убеждениями и взглядами. Среди них царит истинное братство и настоящее равенство. Они еще достаточно искренни для того, чтобы верить в свои идеалы и биться за них до последней капли крови. Они и самом деле верят в то, что говорит официальна пропаганда, потому что слова, вылетающие из черных репродукторов и напечатанные на страницах газет, как правило, не расходятся с тем, что советские люди видят вокруг себя. Их души еще не искалечены пустой бессмысленной пропагандой, расходящейся с действительностью на много километров. Да, здешние политруки частенько выдают желаемое за действительное, но их очень быстро поправляют с самого верха.

Словом, наступление праздника ощущалось во всем. Дома и официальные здания были украшены праздничными плакатами, портретами Ленина и Сталина, кумачовыми транспарантами или просто лентами, повсюду на домах весели красные флаги, или как минимум флажки. На фоне выпавшего белого снега все это выглядело очень празднично и красиво, и даже мне, при всей своей патриотичности обычно чурящейся официоза, захотелось принять участие в праздновании этого дня.

Что же касается немки Паулины Липсиус, то я периодически навещала ее. После болезни она стала другой. Нет, дело, конечно же, не в болезни, просто, видимо, во время лежания в постели и вынужденного ничегонеделания у нее была хорошая возможность думать и переосмысливать свои ценности и убеждения. И когда она наконец полностью выздоровела и встала на ноги, это был совсем другой человек – и это ощущалось в ее взгляде, жестах, манере поведения; казалось, ум ее претерпел трансформацию. Она вдруг выразила горячее желание ускоренно учить русский язык, и я, конечно, тут же подсуетилась, чтобы это ее желание скорее реализовалось. Поначалу я обратилась к Варваре, но та, в своей обычной манере фыркнув, заявила, что у нее и без этой «прости господи» есть чем заняться (имея, очевидно, в виду свой роман с Василием). Что ж, настаивать я не посмела, да и не сочла это удобным – в конце концов, Варя и вправду не обязана вешать на себя дополнительные, к тому же не совсем ей приятные, обязательства. О том же, чтобы попросить об этой услуге своего Коляшу, не могло быть и речи. Ну, во-первых, он сильно занят (да-да, мной и своими прямыми обязанностями), а во-вторых, я не позволю, чтобы он подолгу находился в обществе жрицы любви, пусть даже и бывшей... Ну, это не то что ревность, а просто мне было бы неприятно оставлять «моего» мужчину с другой – тем более такой – женщиной... Словом, этот вопрос надо было как-то решать... И тут меня внезапно осенило. Куплю-ка я немке самоучитель! Пусть занимается

по книжке, а за практикой дело не заржавеет.

Словом, вскоре у немки появился отличный учебник по русскому языку для немцев, и она принялась изучать великий и могучий со всей доступной ей прилежностью, притянув к этому богоугодному делу и своих бывших коллег по цеху. И как-то раз, зайдя в комнату Паулины без стука, я застала такую картину – она и ее товарка сидели за столом и, поглядывая в книгу, упражнялись в русском языке.

– Тарелка стоит на столе... – старательно выговаривала Паулина.

– Я пью чай... – вторила ей подруга, – ты пьешь чай. Она пьет чай...

Эти обе были так увлечены, что заметили меня только тогда, когда я громко и весело произнесла:

– Ну, если вы нальете, я БУДУ пить ваш чай...

* * *

07 ноября 1941 года. Москва, Васильевский спуск

Майор Петр Васильевич Погорелов, командир 2-го батальона 182-го мотострелкового полка, 144-й гвардейской мотострелковой Виленской Краснознамённой, орденов Суворова, Кутузова и Александра Невского дивизии.

Известие о том, что наш полк примет участие в легендарном военном параде в честь очередной годовщины Октября, вызвало во мне ощущение шока. Ведь это же легенда, история, акт беспримерного героизма и все такое прочее; парад, который проводился прямо под носом у врага!

Потом я отошел от трепета, немного подумал и решил, что здесь-то все по-другому, чем в нашем прошлом. Враг находится не в двадцати, а в пятистах километрах от Москвы, и немецкие бомбардировщики над советской столицей могут появиться только чудом, потому что между их аэродромами и Москвой расположена наша авиабаза с истребителями в Красновичах и зона ПВО. Кроме того, первая победа уже не витает ощущением в воздухе (как это было в тот

раз), а является вполне осуществившейся реальностью. Враг уже разбит, отброшен и окружен, и почти за месяц до праздника уже были зачищены все котлы, включая Смоленский, хотя немцы дрались там ну просто отчаянно. И все это произошло при нашей помощи и участии, именно мы были острием и лезвием меча, который отразил врага и поверг его в прах, а посему наше участие в этом параде было более чем оправданным. А наш полк был выбран именно за то, что именно он первым достойно и с огоньком встретил немцев.

Одним словом, первого ноября полк погрузили в эшелоны и повезли в Москву. Никого ущерба боевым задачам от этого не случилось, потому что после стабилизации линии фронта по Днепру и формирования плотного кольца окружения вокруг котлов нашу дивизию, как и остальные соединения экспедиционных сил, оттянули в район Сураж-Унеча, после чего у нас началась ротация. Например, наш комбат майор Осипов получил подпол и звезду героя России, после чего убыл на Большую землю принимать полк в соседней армии. Меня, значит, назначили на его место, облагодетельствовав тем же набором – то есть очередным званием и героем, а на мое место в четвертую роту прибыл совсем молодой старший лейтенант со стороны.

Ротировали и рядовой состав контрактной службы, так что пертурбация была еще та, полк, даже если не считать потерь, обновился почти наполовину. Я, конечно, понимал, что все это было необходимо для распространения по нашей армии боевого опыта, но все же хотел, чтобы, когда мы пойдем в бой, рядом были бы старые, проверенные в деле товарищи, а не новички. Но поскольку интересы дела расходятся с моими желаниями, то придется принять соответствующие меры предосторожности. Перед погрузкой я собрал свой батальон и довел до всех (а в особенности до тех, кто пришел к нам недавно по ротации и не видел еще ни немцев, ни нашей советской власти), куда мы едем, зачем, и как высока наша ответственность как людей, представляющих Российскую Федерацию в Советском Союзе.

Парад в честь двадцатичетырехлетия Октября, я вам скажу, оказался совершенно не похож на парады в наше время, когда народ начинают дробить чуть ли не за месяц до праздника. Проехались пару раз по Марсовому полю, чтобы убедиться, что все в порядке. Командир нашего полка, полковник Фомин (который получил очередное звание и награду но все же остался на полку) сказал, что на этом параде нас, скорее всего, будут пиарить перед местной мировой публикой, ведь факт нашего существования уже не скрыть. Ну, в общем-то, так оно и вышло. Седьмого утром подняли нас ни свет ни заря, в пять

часов, потом выдали завтрак по комсоставовской норме и отправили заводить моторы. Погода была, как показывали в хронике – низкая облачность, холод, ветер со снегом. Но, несмотря на непогоду, к девяти утра мы были уже на исходной позиции на Васильевском спуске и перед нами находились все те, кому предстояло пройти по Красной Площади. Диспозиция была такой. Первым по Красной Площади должен был пройти военный оркестр под управлением Василия Агапкина, затем различные пешие части и кавалерия с тачанками, и только после них недавно сформированная 33-я танковая бригада. Ну а потом, на закуску, наш полк. Ну и ладно – запоминается, как правило, не первое, а последнее впечатление.

И вот настал момент, когда моторы, до того тихо урчащие на холостых оборотах, вдруг взревели – и мы тронулись. Бойцы-мотострелки сидели на броне в полном боевом зимнем прикиде, механики-водители торчали головами из своих люков, а командиры и наводчики по пояс торчали из башен. Какая бы там погода ни была, как бы ледяной ветер со снегом ни секли лицо – стойка смирно, честь отдать, равнение на трибуну Мавзолея. И вот ведь точно, рядом с Вождем, Человеком в Пенсне и прочими местными персонажами – ВВП собственной персоной, на это раз не в куртке-аляске, а в драповом пальтишке и каракулевой шапке, ну прям не отличишь от местных... Проехали мы через Красную площадь, ну любо-дорого смотреть. И себя не опозорили, и впечатлений на всю жизнь. И едва заехали на свое место, как Вождь начал читать свою речь. И ведь что наши политтехнологи с местными политруками удумали – там, где остановились прошедшие по площади парадным маршем войска, на стене дома висели не только местные фونهاщие матюгальники, но и огромный плазменный экран, на котором Сталин был в цвете и как живой. Да, тут местным товарищам перезапись речи делать не придется, да и местные бойцы с командирами, слушавшие речь рядом с нами, были просто в шоке. Про танки наши и ракеты, и самолеты и прочее оружие они уже слышали, а кое-кто бывалый видел; а вот такое чудо чудное и диво дивное местной публике представили в первый раз. Но как бы то ни было, все слушали Сталина просто затаив дыхание – ведь говорил он в том числе и про нас.

* * *

Выступление[5 - Реальное выступление И.В. Сталина было видоизменено в соответствующими геополитическими и стратегическими реалиями данной АИ. К седьмому ноября враг стоит под стенами Таллина, Киева и Одессы, а о Москве или Ленинграде немцы могут только мечтать. Более того, под Смоленском оказалась разгромлена группа армий «Центр», после чего фронт был отодвинут

на двести километров к западу. Этот парад, это фактически промежуточный парад победы над Блицкригом. Следующий парад, настоящий парад Победы, пройдет уже после победы над Германией.] И. В. Сталина на параде 7 ноября 1941 г.

Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, командиры и политработники, рабочие и работницы, колхозники и колхозницы, работники интеллигентского труда, братья и сёстры в тылу нашего врага, временно попавшие под иго немецких разбойников, наши славные партизаны и партизанки, разрушающие тылы немецких захватчиков!

От имени Советского правительства и нашей большевистской партии приветствую вас и поздравляю с 24-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции.

Товарищи! В тяжёлых условиях приходится праздновать сегодня 24-ю годовщину Октябрьской революции. Вероломное нападение немецких разбойников и навязанная нам война создали угрозу для нашей страны. Мы потеряли временно ряд областей, враг очутился у ворот Таллина, Киева и Одессы, рвался к Ленинграду и Москве. Он рассчитывал на то, что после первого же удара наша армия будет рассеяна, наша страна будет поставлена на колени. Но враг жестоко просчитался. Несмотря на временные неуспехи, наша армия и наш флот героически отбивают атаки врага на протяжении всего фронта, нанося ему тяжёлый урон, а наша страна – вся наша страна – организовалась в единый лагерь, чтобы вместе с нашей армией и нашим флотом осуществить разгром немецких захватчиков.

Бывали дни, когда наша страна находилась в ещё более тяжёлом положении. Вспомните 1918 год, когда мы праздновали первую годовщину Октябрьской революции. Три четверти нашей страны находилось тогда в руках иностранных интервентов. Украина, Кавказ, Средняя Азия, Урал, Сибирь, Дальний Восток были временно потеряны нами. У нас не было союзников, у нас не было Красной Армии, – мы её только начали создавать, – не хватало хлеба, не хватало вооружения, не хватало обмундирования. Четырнадцать государств наседали тогда на нашу землю. Но мы не унывали, не падали духом. В огне войны организовали тогда мы Красную Армию и превратили нашу страну в военный лагерь. Дух великого Ленина вдохновлял нас тогда на войну против интервентов. И что же? Мы разбили интервентов, вернули все потерянные территории и добились полной победы.

Теперь положение нашей страны куда лучше, чем двадцать три года назад. Наша страна во много раз богаче теперь и промышленностью, и продовольствием, и сырьём, чем двадцать три года назад. У нас есть теперь могущественные союзники, держащие вместе с нами единый фронт против немецких захватчиков. Мы имеем теперь сочувствие и поддержку всех народов Европы, попавших под иго гитлеровской тирании. Мы имеем теперь замечательную армию и замечательный флот, грудью отстаивающие свободу и независимость нашей Родины. У нас нет серьёзной нехватки ни в продовольствии, ни в вооружении, ни в обмундировании. Вся наша страна, все народы нашей страны подпирают нашу армию, наш флот, помогая им разбить захватнические орды немецких фашистов. Наши людские резервы неисчерпаемы. Дух великого Ленина и его победоносное знамя вдохновляют нас теперь на Отечественную войну так же, как 23 года назад.

Разве можно сомневаться в том, что мы можем и должны победить немецких захватчиков?

Враг оказался не так силён, как изображали его некоторые перепуганные интеллигентки. Не так страшен чёрт, как его малюют. Кто может отрицать, что наша Красная Армия вместе с союзниками разгромила и обратила в паническое бегство хваленые немецкие войска, отбросила их на запад, окружила, разгромила и уничтожила несколько вражеских армий? Если судить не по хвастливым заявлениям немецких пропагандистов, а по действительному положению Германии, нетрудно понять, что немецко-фашистские захватчики стоят перед катастрофой. В Германии теперь царят голод и обнищание, за четыре месяца войны Германия безвозвратно потеряла два миллиона солдат, еще два с половиной миллиона были ранены. Германия истекает кровью, её людские резервы иссякают, дух возмущения овладевает не только народами Европы, подпавшими под иго немецких захватчиков, но и самим германским народом, который видит неизбежность очередного поражения. Немецкие захватчики напрягают последние силы. Нет сомнения, что Германия не может выдержать долго такого напряжения. Ещё несколько месяцев, ещё полгода, может быть, год – и гитлеровская Германия должна лопнуть под тяжестью своих преступлений.

Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, командиры и политработники, партизаны и партизанки! На вас смотрит весь мир как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. На вас смотрят порабощённые народы Европы, подпавшие под иго немецких захватчиков, как

на своих освободителей. Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойными этой миссии! Война, которую вы ведёте, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!

За полный разгром немецких захватчиков!

Смерть немецким оккупантам!

Да здравствует наша славная Родина, её свобода, её независимость!

Под знаменем Ленина – вперёд, к победе!

* * *

После речи войска отправились в пункты временной дислокации – готовиться к отправке на фронт, нескольких особо избранных бойцов и командиров пригласили в Большой кремлевский дворец, где я увидел множество наших товарищей из других полков и дивизий экспедиционных сил и еще больше местных военных, находящихся в празднично-предвкушающем состоянии. Оказалось, что советское правительство тоже не поскупилось и за наши подвиги наградило нас званием Героя Советского Союза, а согласно статуту этой награды вручать Золотую Звезду должен был лично товарищ Сталин. Все остальные награды, которыми были награждены наши товарищи, мог вручить и Михаил Калинин, который, как мне сказали, уже выехал для этого к нам на базу в Красновичи.

Одним словом, пух и прах, прах и пепел. По одному мы подходили к Сталину, после чего он вручал очередному счастливцу коробочку с золотой звездой, жал руку и перебрасывался парой слов. И вот дошла и моя очередь. Вручив мне награду и пожав руку, вождь вдруг спросил:

– Скажите, товарищ Погорелов, вам было страшно, когда вы с одной ротой стояли против целой немецкой дивизии?

– Знаете, товарищ Сталин, – ответил я, – совсем не боятся только идиоты. Но страшно мне не было, потому что я был не один. Поддерживая надежную связь с командованием, я знал, что всегда могу рассчитывать на поддержку артиллерии, а если надо, то и авиации и что мои товарищи не бездельничают, не ждут незнамо чего, а выполняют общий план, двигаясь каждый к своему рубежу сосредоточения. Это тоже своего рода чувство локтя, когда ты знаешь что не один на этом поле боя, и веришь в то, что командование компетентно и сделает все как надо. К тому же мы никогда там не стояли ротой против дивизии. Сначала наша рота перекрыла путь немецкому пехотному полку, а в самом конце, когда случилась грандиозная свалка, мы стояли против дивизии Моделя двумя батальонами. Но все равно дело решили не мы, а успевшие отбомбиться стратеги, а им приказ мог отдать только Верховный Главнокомандующий или, с его санкции, министр обороны, так что вы можете делать выводы сами....

– Хороший ответ, товарищ Погорелов, – сказал Сталин и еще раз пожал мне руку, тем самым показав, что я должен уступить место следующему человеку.

* * *

09 ноября 1941 года, Полдень. Великобритания, Лондон, бункер Правительства, военный кабинет премьер-министра Уинстона Черчилль

Там, наверху, бушевала одна из тех обычных для ноября осенних бурь, год назад сделавших невозможной германскую десантную операцию «Морской лев». Ледяной ветер, завывая, горстями бросал в лица прохожим крупные капли холодного дождя, изрядно сдобренного угольной копотью. Бушующая непогода заставляла лондонцев раскрывать зонтики и поднимать воротники, но они отнюдь не были на нее за это в обиде. Ведь эта буря, ураганный вечер, дождь и низкая облачность лучше пилотов RAF[6 - RAF - Royal Air Force - Королевские военно-воздушные силы. Русская аббревиатура, встречающаяся в некоторых источниках - KBBC.], радаров и зенитных батарей, которые защищали Лондон от усилившихся в последнее время налетов германской авиации. Будто в отместку за неудачи на Восточном Фронте, пожирившем их самолеты, будто голодный дракон, гунны снова накинули на несчастные Острова, подвергая массированным бомбардировкам как мелкие городки, не имеющие противозенитной защиты (куда на время войны было эвакуировано немало лондонцев), так и саму лондонскую городскую агломерацию. Причем по Лондону, где с ПВО было все в порядке, они били издали, с расстояния в

двадцать миль запуская со своих бомбардировщиков какие-то особые планирующие[7 - Упрощенный и удешевленный вариант противокорабельной планирующей бомбы Henschel Hs 293, без ракетного ускорителя и системы управления. Лондон, в отличие от корабля – это очень большая цель, и промахнуться по ней очень сложно. Массированный пуск нескольких сотен таких планирующих бомб мог произвести весьма разрушительный эффект.] бомбы.

Но сейчас непогода защищает лондонцев от этого адского оружия, и можно не опасаться, что скользящая над крышами серая тень неожиданно ударит в стену какого-нибудь дома и через пару секунд разразится яростью взрыва шестисот фунтов Триалена[8 - Триален 105 (не путать с одноименными противозачаточными таблетками) – взрывчатое вещество германского производства. Состав: тротил-70%, гексоген-15%, алюминий-15%. Считалось, что эта взрывчатка наиболее пригодна для уничтожения небронированных целей.].

Но на глубине нескольких десятков метров, под толстым слоем земли и армированного железобетона, все эти заботы простых лондонцев ощущались как-то мало. Тут текла особая, размеренная и неторопливая жизнь; и единственное, что могло угрожать местным обитателям – так это вторжение германской армии на Британские острова. Недаром же в ходе войны Черчилль разрешал себя срочно беспокоить исключительно по поводу начала вторжения, поскольку остальные сообщения вполне могли подождать до планового доклада.

Как раз такой плановый доклад сейчас Черчиллю делал глава британской разведки Стюарт Мэнзис, и касался этот доклад положения дел на германском Восточном фронте. Там в конце августа начали происходить просто дивные чудеса, а просвещенные мореплаватели – люди недоверчивые, прямо сказать, подозрительные, старающиеся докопаться до самой сути вещей. Именно поэтому еще тогда, когда все это началось, Черчилль и поручил Стюарту Мэнзису собрать по этому феномену всю доступную информацию. Нельзя сказать, что британской разведке было легко и просто. НКВД бдело, в том числе и по этому вопросу, поэтому британским агентам, интересовавшимся запретной информацией, было непросто избежать внимания его сотрудников.

Но как от упавшего в воду камня расходятся волны, так от событий, происходивших на фронте, расходились рассказы очевидцев, постепенно превращающиеся в приукрашенные вымыслом слухи. Верить или не верить этим слухам, было личным делом каждого, но факты говорили сами за себя. С

определенного момента Совинформбюро каждый день бодрим голосом Левитана принялось перечислять разгромленные советскими войсками вражеские соединения и освобожденные населенные пункты. Британские разведчики – и легальные и нелегальные – разумеется, тоже слушали эти сообщения и при этом дивились происходящему. Немецкая армия попала под град сокрушительных ударов и выглядела как шайка уличных хулиганов, в тесном переулке столкнувшись с чемпионом по боксу. Что ни удар, то нокаут. Но, к счастью британской разведки, до расчистки литвиновского гадюшника в НКВД у НКВД еще не дошли руки, поэтому через используемых втемную советских военных и журналистов британцам удалось получить кое-какую достоверную информацию... И эта информация вызвала у них шок.

В первую очередь был шокирован глава британской военной миссии в Москве генерал-лейтенант Фрэнк Мэйсон-Макфарлан. «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда!» – в сердцах произнес он, когда из нескольких независимых друг от друга источников поступили сообщения о том, что на стороне Сталина сражаются полностью моторизованные войска из России будущего. Конечно, было бы желательно вступить в контакт хоть с одним солдатом или офицером этих войск, но непосредственно в районах их присутствия контроль НКВД был чрезмерно плотным, и проникнуть туда постороннему человеку было невозможно.

Людям Литвинова и прочим задействованным в темную лицам приходилось буквально по крохам собирать информацию об этих пришельцах, которых гунны называли «марсианами». В основном картина составлялась по косвенным данным, полученным из разговоров с жителями тех мест, через которые прокатилась железная лавина русских из будущего. А впечатления у тех остались яркие – и о том, как выглядят бравы добры молодцы, и о том, как драпала от них немчура. В конце сентября через Мурманск в Москву даже прибыл военный корреспондент «Таймс», некий Джон Карпентер, желающий побывать на местах отгремевших сражений, чтобы по горячим следам описать для британцев героическую борьбу русского народа против германских захватчиков.

К этому времени активная фаза боев уже завершилась, и только в Смоленске группа войск генерала Рокоссовского утрамбовывала в землю остатки 9-й армии немцев. Вот на эту кровавую мясорубку и свозили британского корреспондента. Естественно, что никаких пришельцев из будущего он там не увидел, но по недосмотру местных особистов смог побывать в тяжелом саперно-штурмовом

батальоне, экипированном и частично вооруженном по стандартам армии будущего. Сделанные им фотографии бойцов в тяжелых армейских бронежилетах, титановых касках-сферах, вооруженных, наряду с прочим, пулеметами «Печенег» и ручными противотанковыми гранатометами, рассматривал не только генерал Макфарлан в британской военной миссии в Москве, но и некоторые особо доверенные специалисты по вооружению в Лондоне. Впрочем, местное начальство быстро спохватилось и спровадило британского журналиста в Москву – как им казалось, от греха подальше. Но от этой высылки важного зарубежного гостя их проблемы не уменьшились, а только усугубились.

Кстати, помимо газетной статьи для «Таймс», восхваляющей мужество русских солдат, журналист Джон Карпентер, по совместительству носящий чин майора британской разведки, написал и отчет для Стюарта Мэнзиса. Из этого отчета следовало, что солдаты в той части, как ему кажется, были обычные русские, подобранные исключительно за силу, ловкость и фанатическую преданность большевистскому режиму, а вот снаряжение у них совсем необычное, хоть на «марсианское», как его описывают, похоже весьма отдаленно. Это может означать, что «марсиане» могли поставить большевикам некие устаревшие образцы, уже вышедшие у них из употребления и хранившиеся на складах «про запас», но вполне эффективные в нынешнее время. Дополнительно журналист-майор сделал вывод, что, учитывая из высокого уровня боевой подготовки «марсиан» и наличия у них больших запасов устаревшего вооружения, тот мир отягощен множеством острых пограничных конфликтов и мелких войн, которые по какой-то пока неизвестной причине не перерастают в одну большую войну.

Впрочем, к тому моменту, когда Стюарт Мэнзис в Лондоне в первый раз читал этот доклад, сопоставляя его с другой имеющейся информацией, в Москве, очевидно, спохватились, что несколько заигрались в секретность. Мышку под ковром можно спрятать легко, бульдога – значительно сложнее, а вот если ковром накрыть слона, то скрыть ничего не получится – только украсить. Практически не получится сохранить полную тайну в ситуации, когда на фронте воюют пять дивизий из будущего, когда их бомбардировщики и штурмовики бьют не только по группе армий «Центр», но также и севернее и южнее, а взятые со складов мобхранения пулеметы, ручные гранатометы и ПЗРК разошлись почти по всей действующей армии. И к тому следует учитывать местное население в освобожденных областях, которое видело много всякого разного; а ведь на каждый роток не накинешь платок. Не загонять же их всех оптом в ГУЛАГ. И вообще, получается секрет Полишинеля. Все его знают, но старательно делают вид, что это не так, чтобы не дай Карл Маркс и Фридрих

Энгельс, не было неприятностей.

К такому выводу советское руководство пришло в середине октября, а уже в параде 7-го ноября в честь Октябрьской революции (который окрестили «победным»), участвовала сражавшаяся за Кричев штурмовая (бывшая штрафная) стрелковая бригада РККА и 182-й мотострелковый полк 144-й дивизии экспедиционных сил, с которого и началась вся эта история. Когда глава британской военной миссии генерал-лейтенант Фрэнк Мэйсон-Макфарлан увидел лязгающие гусеницами по заснеженной брусчатке Т-72, у него от удивления натурально упала челюсть – то есть рот раскрылся настолько, что пара воробьев могла бы начать вить в нем гнездо. А ведь на том параде были не только танки из будущего, но и многое другое, из-за чего британскому разведчику захотелось бежать к рации и стучать, стучать, стучать ключом. Впрочем, и это было еще далеко не все. В обращении к советскому народу Сталин открыто упомянул о существовании экспедиционных сил и о том, какой большой вклад они внесли в разгром германских орд в Смоленском сражении. Шок и трепет. Для советских граждан этот шок был приятным, а вот для британцев – таким, будто им насыпали холодного снега за шиворот. И именно для того, чтобы изложить эту информацию, глава британской секретной службы потребовал срочной аудиенции у премьера. А что тот сделает с этой информацией дальше – это уже исключительно его дело.

Черчилль с хмурым видом, перекатывая в углу рта огрызок сигары, перелистал доклад Мэнзиса, заостряя внимание только на отдельных избранных моментах, потом поднял голову, внимательно посмотрел на своего собеседника и с кривой усмешкой спросил:

– И это все, мистер Мэнзис, что вы смогли узнать? Мне и так понятно, что никто не сможет на равных тягаться с парнями, сумевшими играючи свернуть шею наступлению гуннов, так что ничего нового вы тут не сообщили. Подробности о мощи их танков и армейской выправке пехоты оставьте для военных. Мне интересны совсем другие вещи. Во-первых – я хотел бы знать, каковы отношения между этими «марсианами» и большевистским руководством. Насколько и те, и другие доверяют друг другу, и нельзя ли вбить между ними клин. Во-вторых – необходимо выяснить, каково отношение «марсиан» к Великобритании в своем и нашем мире, а также насколько их солдаты преданы своему командованию, или же их дисциплина держится на страхе наказания? И вот что, Мэнзис – вы должны выяснить, какое положение занимает Великобритания в двадцать первом веке, по возможности установив связь с правительством Его Величества

в том мире. Это самое главное задание, так как этого требуют интересы Британской империи.

* * *

12 ноября 1941 года, 23:05. Жлобинский плацдарм, позиции 4-й танковой бригады

Командир бригады полковник Михаил Ефимович Катук

Наш эшелон прибыл в Жлобин уже затемно. Несмотря на то, что станция и железнодорожный мост находились всего в нескольких километрах от передовой, функционировали они бесперебойно. Да это и неудивительно, поскольку от вражеской авиации, и так немногочисленной, этот стратегически важный мост охраняют зенитные установки из будущего, а в контрбатареинной борьбе нашим артиллеристам помогает установка со смешным названием «Зоопарк». В нашей бригаде тоже есть артиллерийский дивизион из восемнадцати самоходных орудий 2С1 «Гвоздика», и этот дивизион также оснащен «Зоопарком».

И вообще наша бригада, можно сказать, самая-самая... Батальон тяжелых танков Т-55 доставленных из будущего, два батальона новейших Т-34М, имеющих расширенную трехместную башню улучшенной планировки с командирской башенкой, длинноствольную пушку с дульным тормозом и длиной ствола в пятьдесят один калибр, новую пятиступенчатую коробку передач и мелкозвенчатые гусеницы. Хоть по своим возможностям модернизированная тридцатьчетверка не идет ни в какое сравнение с танком Т-55, но это наша, полностью советская машина, даже несмотря на то, что в ее конструкцию по указанию потомков были внесены изменения.

Помимо трех танковых батальонов, уже упомянутого артиллерийского дивизиона и самоходного зенитного дивизиона, в котором все три батареи укомплектованы 37-мм зенитными пушками 61-К, установленными на шасси «импортного» БТР-50, в состав бригады входят два мотострелковых батальона, посаженных на все те же БТР-50. Только вместо зенитки на «пехотных» бронетранспортерах установлен крупнокалиберный пулемет ДШК, который, впрочем, тоже имеет возможность вести огонь по воздушным целям. В качестве средства усиления в каждом батальоне имеется минометная батарея из четырех

тяжелых 120-мм минометов, установленных на те же БТР-50, и артиллерийская батарея из четырех пушек ЗиС-3.

Есть в составе бригады и разведывательный батальон[9 - До определенного момента в бронетанковых частях и соединениях РККА разведывательных подразделений не было, из-за чего их командиры были вынуждены во много действовать вслепую и наугад, из-за чего советские танкисты несли тяжелые и неоправданные потери. Пренебрежение разведкой даром не проходит, как раз эта причина лежала в корне всех поражений РККА в 1942-43 годах.] двухротного состава на БРДМ-2. Броня у этой машины тонкая, защищает только против пуль и осколков, главное оружие этой машины – подвижность и крупнокалиберный пулемет. В поединке между немецкой «колотушкой»[10 - «Колотушка» – прозвище немецкой 37-мм противотанковой пушки, которая в силу своей малой мощности могла только «постучаться» в броню Т-34 или КВ. Но броня БРДМа для нее не проблема, хотя в эту верткую и подвижную машину немецким противотанкистам сначала требуется еще попасть и самим не залететь под ответную очередь из «крупняка». А вот это уже тяжелее.] и БРДМом победа будет за машиной потомков – быстрой, верткой, компактной, и к тому же больно кусающейся из своего крупнокалиберного пулемета. В случае входа в прорыв во время наступления две роты этого батальона будут по очереди «бежать» впереди бригады, разведывая путь на предмет возможных неприятностей и неожиданно захватывая у противника разные важные вещи вроде стратегических мостов. В случае нашей обороны разведбат, напротив, разными окольными путями и проселочными дорогами должен проникать в ближний тыл гитлеровцев и стараться ухватить их за интимное место, устраивая засады и нападения на штабы и колонны снабжения, а потом быстро возвращаться к главным силам, минирова за собой пути отхода. В разведбате считается особым шиком заманить в засаду и уничтожить преследователей, желающих отомстить за разгромленную колонну или штаб. Флаг, как говорится, этим мстителям в руки и бревно в задницу.

Одним словом, танковая бригада у нас – загляденье, укомплектована всем самым лучшим, а бойцы и командиры прошли полный курс боевой подготовки. Осталось только сдать экзамен, который будут принимать самые строгие экзаменаторы, то есть немцы. Ну да, для этого мы сюда и прибыли – куснуть немчуру за бок, чтобы никто не думал, что русский медведь лег в зимнюю спячку. Зажились эти гады на нашей земле, пора гнать их отсюда – чем дальше, тем быстрее. Ничего, мы им так сдадим свой экзамен, что у них головы на пупок завернутся. Они еще проклянут своего фюрера, свою фашистскую партию, свой рейхстаг, который не понимает, что чем дольше он сопротивляется, тем

страшнее будет расплата.

Как я уже говорил, наш эшелон с первым танковым батальоном и управлением бригады прибыл на станцию «Жлобин» уже затемно. Никто бы не подумал, что станция функционирует. Вместо яркого электрического света ярко-желтых фонарей, обычного для мирного времени, через щели маскировочных ламп на землю падали только узкие полоски синеватого света. При этом падающие с низкого неба снежинки скорее угадывались во мраке, чем были видны. Вроде бы снегопад не сильный, но уже к рассвету свежий снежок полностью засыплет следы наших танков. А еще падающие с неба снежинки глушат и искажают звуки, благодаря чему бригада не выдаст себя шумом моторов, работающих на пониженных оборотах. Со станции разгрузки мы буквально на цыпочках прокрались на отведенное нам место, натянули над заглушенной техникой маскировочные сети и старательно принялись делать вид, будто нас тут нет. Никаких прогулок бойцов и командиров по окрестностям, никаких встреч и разговоров с местными жителями, никаких контактов третьего рода или поисков горючей жидкости. Наши особисты и местные чекисты бдят, и я не завидую тому, кого они поймают на месте преступления.

Вся эта секретность и маскировка необходимы для того, чтобы не спугнуть вражеское командование, которое уверено, что удар будет нанесен севернее, под Рогачевым, где специально для немцев проводятся дезинформирующие мероприятия. Ведь успех наступления определяет не только сила нашего удара, но и ошибки противника в определении места и времени его нанесения. И я не думаю, что мы долго будем находиться в ожидании. Как только вся бригада сосредоточится на исходных рубежах, последует приказ наступать.

* * *

13 ноября 1941 года, 10:05 СЕ. Берлин. 12.000 метров над землей, борт Ту-22МЗ из состава авиагруппы экспедиционных сил.

Полковник авиации Александр Евгеньевич Голованов

Берлин в ясную погоду, кое-где разбавленную облачностью, с высоты двенадцати километров выглядел гигантской серой каменной паутиной, наброшенной на землю неведомым злым колдуном. Я сижу в кресле второго пилота (или, как говорят в будущем, помощника командира) и испытываю острое

желание взять управление на себя, чтобы ощутить свою власть над могучей и стремительной машиной, которая мчится на высоте двенадцати километров в два раза быстрее скорости звука. Но тут все автоматизировано и пилот может делать только то, что позволит ему автоматика. Фактически пилот тут не управляет самолетом, а отдает команды мощному вычислительному устройству, которое само решает, как выполнить поступившую команду и насколько отклонить закрылки, элероны, рули направления и высоты.

К тому же для этой стремительной машины расстояние от Москвы до Берлина – все равно что рукой подать. Один час сорок пять минут назад мы взлетели с аэродрома в Кратово (нынешний Жуковский) – и вот мы уже над вражеской столицей. Мне, привыкшему проводить за штурвалом множество часов, совершенно непонятно, зачем в этой машине еще и второй пилот, в то время как командир и сам прекрасно справляется с управлением. Тут и одному делать нечего, тем более что когда ты тянешь за штурвал и жмешь на педали, сопротивление тебе создают не тяги управления, прикрепленные к рулям и элеронам, а специальные имитаторы нагрузки.

Так что мне остается только наслаждаться открывающимся видом вражеской столицы. Там, внизу, этот огромный злой город живет своей обычной жизнью; берлинцы спешат по своим делам, наверное, даже не обращая внимания на три тонкие белые полосы инверсионных следов, разматывающиеся в бледно-голубом осеннем небе. И только мальчишки, выскочившие на воздух во время школьной перемены, тычут в небо пальцами, азартно споря по поводу того, что это такое летит там, высоко в небесах. Жителям Берлина кажется, что им не о чем беспокоиться – и наша, и британская авиация совершают свои налеты по ночам, а сейчас совсем не ночь, и к тому же воздушную тревогу не объявляли. Не правда ли, фрау Крюгер и герр Мейер?

Все дело в том, что потомки, занятые решением фронтовых и стратегических задач (например, бомбардировками Плоешти и долбежкой железнодорожных узлов и мостов в Польше), пока еще ни разу не навещали вражескую столицу с визитом вежливости. Но теперь время для такого визита пришло – и три стремительные белоснежные машины с красными звездами на крыльях приближаются к Берлину. У каждого бомбардировщика в бомболюках по двадцать тонн бомб, а это все равно, что удар полнокровной дивизии ДБА[11 - ДБА – дальнебомбардировочная авиация, основной рабочей лошадкой которой до самого конца войны был ДБ-ЗФ, он же Ил-4, который на полную дальность брал от 750 до 1000 кг бомб, летом меньше, зимой больше.]. Правда, перед нами

не стоит задача превращать в щепень весь Берлин, наши цели – это административные здания, электростанции, паровозные депо и мосты через реку Шпрее, протекающую через город. Пусть не получится раздолбать все с первого налета, но после первого будет второй, третий – и так далее – удары, пока берлинцы не поймут, что значит жить в средневековье, в совершенно целых домах, но без электричества, воды, канализации, метро и железнодорожного транспорта.

Вот на приборной панели загорелся сигнал, что система автоматического бомбометания привязалась к рельефу местности и «видит» введенные в ее память цели. После этого командир корабля полковник Васильев щелкнул переключателем, передающим управление автоматике, и убрал руки со штурвала. В составе экипажа есть еще штурман-бомбардир, но, как мне объяснили, он нужен только тогда, когда применяется управляемое вооружение, и при ударе свободнопадающими бомбами, как сейчас, он такой же пассажир, как и я. Вот машина чуть вздрогнула – значит, вниз пошла первая серия из шести бомб; после этого самолет сам чуть изменил курс, выходя на новую цель. И как раз в этот момент полковник Васильев начал декламировать стихи: «Под крылом горят кварталы, смотрят в небо тыщи глаз. Вам пространства было мало, мы пришли – встречайте нас!» Говорил он вроде бы негромко, но так, что в кабине его слова было хорошо слышно, несмотря на гул двигателей. А может, дело в наушниках с системой шумоподавления, не знаю...

– Правильно, Николай Александрович, – подтвердил штурман корабля майор Шаров, – вот им, сукам немецким, лебенсраум, вот им поместья со славянскими рабами, вот им, недоноскам арийским, раса господ!

Пока шел это разговор, самолет еще раз пять сам сбрасывал бомбы, как правило, минимальными сериями – по четыре или по шесть штук. Потом машина заложила глубокий вираж и один раз, но щедро (можно сказать, от души) отсыпала по какой-то цели весь остаток бомб.

– Ну все, товарищи, – сказал полковник Васильев, – пожалуй, Герингу пришел песок, отхрюкался арийский боров, гадить больше не будет.

В ответ на мой недоуменный вопрос, а почему это Геринг должен был отхрюкаться, товарищ Васильев с милой улыбкой пояснил, что последняя партия из шестидесяти пятисоткилограммовых осколочно-фугасных, бетонобойных и зажигательных бомб предназначалась для родного Герингу рейхсминистерства

авиации. Мол, если Геринг находился там, на месте, в своем служебном кабинете, то в самом ближайшем будущем, когда сброшенные нами бомбы долетят до земли, от толстого наркомана останутся только рожки да ножки, равномерно обжаренные в пламени пожара...

- Товарищ полковник, - азартно выкрикнул штурман-бомбардир, - есть накрытие рейхсминистерства авиации, хорошо попали, прямо по помидорам! Горит так, что просто смотреть приятно.

Если так, подумал я, то так этому козлу и надо. За утро двадцать второго июня, за внезапное нападение и бомбежку мирно спящих советских городов. А если он каким-то чудом выжил, то мы достанем его позже, обязательно достанем.

* * *

13 ноября 1941 года, 11:35 СЕ. Берлин. Рейхсмаршал авиации Герман Геринг

Полковник Васильев ошибался. Герман Геринг не погиб под пылающими руинами здания рейхсминистерства авиации, потому что редко появлялся на службе раньше полудня. Сейчас он ехал на своем «Хорьхе» по засыпанной битым стеклом улице Луизенштрассе и ужасался увиденному. То тут, то там, оттуда, где упали русские бомбы, в бледно-голубое небо над Берлином поднимались густые клубы черного дыма. По правую руку от Геринга, бегемотом развалившегося на заднем сиденье машины, жарким пламенем горел Центральный Берлинский вокзал. На самом деле горели угольные склады и паровозные депо, но отсюда с Луизенштрассе, казалось, что полыхает само здание и дебаркадер над пассажирскими платформами. По левую руку тоже что-то горело, но особенно густо пожары полыхали впереди за Бранденбургскими воротами - там, где Луизенштрассе переходила в Вильгельмштрассе, улицу, буквально нашпигованную зданиями министерств и ведомств. И именно там горело особенно жарко, дым в небо поднимался особенно густо, а сирены пожарных машин и санитарных карет выли особенно громко. Мост через Шпрее, по счастью, уцелел. Предназначенные ему бомбы достались институту Коха, и сейчас там занимался яростный пожар[12 - Хоть гитлеровская Германия и не добилась значительных успехов в разработке бактериологического и биологического оружия, зациклившись на поисках вредоносного агента избирательного действия (немецкие микробиологи хотели найти такую бациллу или вирус, чтобы она не действовала на арийцев, а все остальные чтоб дохли как

мухи.), все равно было решено раздолбать институт Коха просто так, на всякий случай, потому что береженого бережет Бог, а не береженого допрашивают на Лубянке, выясняя адреса, пароли и явки. А если серьезно, то в критической ситуации немецкие микробиологи могли перестать маяться дурью и смастерить что-то по-настоящему убойное без избирательности по нациям и расам. Сумрачного германского гения на это явно хватало.]. Стены здания, правда, уцелели, но почти из всех окон вырывались языки пламени или шел дым. При этом Геринг не увидел большого количества пожарных машин, и причину этого он понял, только когда подъехал к Бранденбургским воротам, от которых уже начиналась Вильгельмштрассе.

У самых ворот его «Хорьх» остановил усталый закопченный шуцман и сказал, что дальше по Вильгельмштассе, проезда нет. Улица, мол, завалена обломками, через которые не проехать на машине, а по обеим ее сторонам на месте разрушенных зданий ключевых германских министерств все еще продолжают пожары, которые не потушить. И в самом деле – впереди, за Бранденбургскими воротами, творилось что-то кошмарное, локальный филиал ада, вздымающий к небесам сплошную стену пламени и едкого черного дыма в почти неповрежденном городе. К примеру, на Унтер-ден-Линден, совершенно неповрежденной бомбежкой, владельцы дамских модных магазинов даже не соизволили закрыть свои заведения. А с чего их закрывать, если сирены воздушной тревоги завывали только после того, как русские бомбардировщики удались восвояси, а стрельба зенитных батарей по ним и вовсе напоминала приветственный салют, пальбу в чистое небо. Стремительные стреловидные самолеты давно улетели, а зенитки все продолжали стрелять, будто стремились оправдаться за внезапность вражеского налета.

Наорав на шуцмана за пораженческие речи, Геринг вылез из своего «хорьха» и пешком пошел по улице в сторону Рейхсминистерства авиации. Он никогда не был трусом – ни в небе Великой войны, когда геройствовал в составе летающего цирка Рихтгофена, лучшей авиационной части Германской империи, ни позже, когда во время так называемого Пивного путча низом живота словил две пули, чуть было не отправившие его на тот свет. Но, несмотря на все это, сейчас ему было по-настоящему страшно. Когда Берлин бомбили англичане, они равномерно посыпали город бомбами, не делая различия между правительственными кварталами, жильем для среднего класса, заводами и рабочими районами. Но это красnozвездные самолеты бомбили прицельно и очень кучно, так что в районе выбранной ими цели бомба буквально падала на бомбу. И все это с чудовищной высоты в двенадцать километров и скорости под тысячу километров в час. От этой мысли Герингу захотелось прибегнуть к

своему обычному средству – то есть ввести себе в вену очередную дозу морфия.

И тут он вспомнил, что забыл коробочку с ампулами и шприц в машине. Все, что угодно, за одну единственную дозу! Все, что угодно, за возможность снова мыслить легко и свободно, а не брести вперед мимо занятых непонятно чем людей, разбирающих развалины, тушащих пожары и складывающих в штабеля изуродованные тела тех, кого все же удалось найти и откопать. Ну ничего, в служебном кабинете в министерстве, огромном, как иной стадион, есть запасная коробка с ампулами морфия и запасной шприц, ведь второй человек в нацистской партии заранее не знал, где его настигнет ломка. Как сомнамбула, Геринг прошел мимо пылающих и изуродованных домов, мимо старой и новой Рейхсканцелярий, мимо руин бывшего британского посольства, и подошел к перекрестку Лейпцигерштрассе и Вильгельмштрассе. Тут он застыл, не поверив своим глазам. Новенького, отстроенного только в 1935 году, здания рейхсминистерства авиации не было на месте. Вместо него пылала бесформенная куча развалин, как бы намекавшая на то, что ни рейхсминистерства авиации, ни главного штаба люфтваффе, располагавшегося в том же здании, больше не существует, а все его соратники – Мильх, Удет, Рихтгофен и прочие – погибли под этими пылающими развалинами, которые сейчас тщетно пытаются потушить немногочисленные пожарные.

* * *

13 ноября 1941 года, 19:15 СЕ. Восточная Пруссия, окрестности Растенбурга, главная ставка Гитлера «Вольфшанце», бункер фюрера.

Для того чтобы Гитлер во всех подробностях узнал о бомбардировке Берлина сверхаэропланами из будущего, потребовалось не так уж много времени. Сообщить о подробностях подсуетился Борман, которому тоже повезло, как и Герингу, не оказаться в служебном кабинете, но который, в отличие от рейхсминистра авиации, не впал в прострацию, а оказался весьма деятелен и работоспособен. Именно по его указанию были сделаны фотографии самых впечатляющих мест разбомбленной столицы Третьего Рейха, разбитая вдребезги Вильгельмштрассе, где бомба падала на бомбу; и тут же, рядом, в паре сотен метров – нетронутая Унтер-ден-Линден с открытыми модными магазинами, варьете и рестораничками, а также толпами празднующей публики. Как только с проявленных пленок были отпечатаны фотографии, Борман вылетел с ними из Берлинского аэропорта Темпельсхоф, пока нетронутыми бомбежками.

Ему надо было торопиться представить дело в выгодном для себя свете, и заодно покрепче пнуть также уцелевшего Геринга, который теперь представлялся Борману чуть ли не единственным конкурентом по влиянию на Гитлера.

По оценкам доклада, представленного фюреру Борманом, в результате этого налета Германия лишилась до девяноста процентов руководящего состава гражданских министерств, сил безопасности, гестапо, СС и СД. Не пострадало только командование сухопутных войск, с началом войны выведенное в расположенную в Восточной Пруссии передовую ставку «Мауервальд». В ходе удара из высших руководителей третьего Рейха погибли: министр иностранных дел Иоахим Риббентроп, министр пропаганды Йозеф Геббельс, министр восточных территорий Альфред Розенберг, рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, также были обезглавлены министерство юстиции, министерство внутренних дел, министерство финансов и множество других ведомств помельче. Таким высоким потерям способствовала плотная концентрация правительственных учреждений вдоль единственной улицы Вильгельмштрассе, что позволило бомбардировщикам противника нанести концентрированный удар и буквально перепахать эту королевскую улицу бомбами.

Выслушав этот доклад со всеми его страшными подробностями, Гитлер помертвел. Ему, конечно, не могли не доложить о самом факте налета трех стреловидных самолетов из будущего на Берлин, но сделали это в стиле песни: «Все хорошо, наш любимый фюрер, все хорошо, все хорошо.» Частично так получилось потому, что люди из секретариата Гитлера сами владели только самой общей информацией по поводу этого налета получив до предела лаконичное сообщение: «бомбы сбросили три самолета» и представили это Гитлеру как демонстрационный комариный укус. Мол, что эти три самолета могут сделать огромному городу на Шпрее, который переварит их несколько бомб и даже не заметит. Более достоверной информации из Берлина не было, точнее, ее просто боялись сообщать, поэтому до неожиданного появления Бормана Гитлер пребывал в блаженном неведении относительно масштаба случившихся событий.

Зато после доклада Бормана началось... Бедные стенографистки, фиксировавшие ход беседы Бормана и Гитлера для истории, притихли и попрятались по углам. Что поделать – их фюрер был контужен на фронте прошлой Великой войны, и к тому же перенес отравление английскими газами, поэтому такие моменты лучше всего было просто переждать, сжавшись в комок

в уголке. Потом, когда приступ истерики с катанием по полу и пусканием пены прошел, Гитлер долго не мог отдышаться и все пил и пил ледяную родниковую воду из высокого стакана. Он ведь еще тогда, в конце августа, подозревал возможность чего-то подобного сегодняшнему ужасу, поэтому и послал своего самого доверенного человека Рейнхарда Гейдриха договариваться с руководством потусторонней России; но тот в ходе выполнения этого особо важного задания бесследно сгинул где-то в русских лесах.

О судьбе Гейдриха было известно только то, что первого сентября днем он вылетел с аэродрома под Могилевом вместе с напарником. Потом, через полчаса после вылета, Рейнхард вышел на связь с аэродромом, чтобы сообщить, что его внезапно атаковала большая группа большевистских истребителей, и замолчал на полуслове. Скорее всего, он погиб или попал в руки большевиков, но был все-таки небольшой шанс, что ему удалось выкрутиться и добраться до цели. Надежда на это сохранялась даже несмотря на то, что уже больше двух месяцев о Гейдрихе не поступало никаких известий. С другой стороны, какое-то время спустя после исчезновения Гейдриха «марсиане» свернули свои активные наземные операции, и на истерзанном ударами Восточном фронте наступило затишье. Действия «марсианской» авиации были не в счет, ибо по разрушительному эффекту не шли ни в какое сравнение с ударами их же подвижных соединений.

Одно время Гитлер даже ждал, что со дня на день Гейдрих все же объявится и сообщит радостную весть о спасении Третьего Рейха от смертельной опасности; но день проходил за днем, а о его посланце к «марсианам» не было никаких известий. И вот теперь пришельцы из будущего снова заявили о себе во весь голос – и не где-нибудь, а в самом Берлине. То, что их командование избегало бить по жилым и торговым кварталам, сосредоточив всю свою ярость на транспортной инфраструктуре и системе государственного управления, служило хорошим знаком для немецкого народа и плохим – для самого Гитлера и его ближайших соратников. Правда, многие из этих соратников, застигнутые этим воздушным ударом врасплох, уже не представляли собой ничего, кроме разлагающейся плоти.

Тут надо сказать, что с какого-то момента Гитлер начал испытывать определенные иллюзии[13 - Испытывал же Гитлер в мае 1941 года иллюзию по поводу англичан (тоже, кстати, официально арийцев, только не совсем чистых), что, мол, стоит предложить Черчиллю почетный мир и совместный поход на Восток – и тот сам примчится к нему, виляя хвостиком. Черчилль не примчался.]

– что если он вычеркнет русских из списка недочеловеков[14 - Вплоть до начала первой мировой войны официальная германская расовая теория, появившаяся задолго до Розенберга и Гитлера, относила русских к арийским народам. Ну а как же иначе – ведь цари династии Романовых брали себе в жены исключительно немецких принцесс, и признать недочеловеками народ, которым они правили, было никак нельзя. К тому же множество немцев ехали в Россию, поступали на государственную службу или занимались бизнесом, принимали российское подданство и пускали корни, а их дети уже вырастали русскими немцами. Отношения к России у немцев испортила Первая мировая война, по своему ожесточению напоминая затянувшуюся на несколько лет битву на Каталунских полях, а потом и две революции в Германии и в России, поставившие в немецком правосознании знак равенства между тремя такими слабо связанными понятиями, как русский, большевик и еврей. И тут в Германию эмигрирует Альфред Розенберг, местечковые рижские предрассудки которого попадают на благодарную почву, взрыхленную и удобренную Кларой Цеткин, Карлом Либкнехтом и до предела лживыми и продажными деятелями Веймарской республики.] и припишет их к числу арийских народов, ему удастся избежать самого худшего. Но такой смене официальной расовой политики мешал Альфред Розенберг, по происхождению являвшийся остзейским немцем, выходцем из Российской Империи. Русских Розенберг ненавидел даже больше, чем евреев. Созданное им министерство Восточных Территорий в основном подразумевало управление оккупированными землями Советского Союза и бывшей Российской империи для их последующей германизации и низведения местного населения до уровня двуногого рабочего скота. Пока Розенберг был жив и обладал большим влиянием на товарищей по партии (в первую очередь на Гимmlера и Геббельса), никакие изменения расовой политики были невозможны, но теперь, когда эта тройка оказалась мертва в полном составе, надежды Гитлера на закулисную договоренность с «марсианами» вспыхнули с новой силой.

– Мой добрый Мартин, – сказал Гитлер Борману, взяв того за пуговицу на пиджаке, – сейчас, когда наша партия понесла тяжелейшие потери, необходимо привлечь в руководство новых, широко мыслящих людей, которые смогли бы исправить ошибки их предшественников и утешить раны, нанесенные их неразумной политикой...

«Да он испуган, – подумал Борман, – причем испуган настолько, что готов признать «марсиан» обстоятельством неодолимой силы. Какой поворот и какая ирония судьбы! Еще совсем недавно, когда наши войска только начали вторжение в Россию, он говорил солдатам, что освобождает их от такой химеры,

как совесть. И вот теперь наш любимый фюрер готов пойти с этими людьми на мировую и, может быть, даже объявить национал-социализм германской национальной разновидностью большевизма.

Ведь он и раньше восхищался Сталиным, как человеком, который сумел обуздать неуправляемую славянскую стихию и направил ее энергию на создание выдуманного им социального государства. Ни одному писателю-утописту, планировавшему свои коммуны будущего, и не снился тот могучий ресурс, который сын грузинского сапожника сумел направить для воплощения мечты детства. Сейчас это, конечно, звучит как бред, но после победы над большевизмом он даже собирался поселить пленного большевистского вождя в уединенном альпийском замке, чтобы постараться выведать секрет, как можно управлять тем, чем в принципе управлять невозможно.

Тьфу ты, гадость! При всем внешнем сходстве между национал-социализмом и большевизмом существует одно фундаментальное отличие, которое сводит это сходство на нет. Большевизм утопически обещает счастливое будущее всем народам, которые примут их веру, а реалистичный национал-социализм – только немцам, за счет всех остальных. Даже самые прекрасные образцы государственного устройства прошлых эпох, вроде афинской демократии или римской республики, были призваны обеспечить процветание коренного государствообразующего этноса за счет широких масс бесправных рабов.

Фюрер взамен выбывших хочет усилить руководство партии молодыми перспективно мыслящими людьми с широкими взглядами? Что же, это вполне возможно сделать, только как главный специалист по партийным кадрам именно я буду решать, кто мыслит достаточно перспективно, а кто нет. И в то же время уже сейчас необходимо готовить варианты скрытого отхода с дальнейшим залеганием на дно. Когда третий Рейх рухнет, он не должен придавить только одного человека, которого зовут Мартин Борман.»

Но вслух Борман сказал совсем иное.

– Мой фюрер, – вскинул он руку в нацистском приветствии, – я немедленно приступаю к выполнению вашего поручения. Это будут лучшие из лучших, как раз то, что вы заказывали, и вам никогда не придется краснеть за мой выбор.

* * *

Полчаса спустя, там же. Ева Браун.

Он постучался ко мне тихо и коротко, но в этом звуке я уловила беспокойство и еще целую гамму чувств, обуревавших моего любимого. Это обостренное чутье влюбленной и преданной женщины открывало мне в нем то, что сам он обычно старался скрыть.

Я подбежала к двери и открыла, и сразу же ощутила трепыхание своего сердца – так было каждый раз, когда он оказывался рядом. Он давно не навещал меня. Кажется, у него были какие-то проблемы с Восточным фронтом... Последнее время в воздухе вообще висело нечто такое, отчего голоса становились тише, а взгляды – серьезнее. Впрочем, я не вникала во все это, никого ни о чем не расспрашивала. Я была далека от тех великих дел, что вершил мой возлюбленный. Моим уделом было хранить ему верность и поддерживать своей лаской и пониманием. Мне нужен был только он, и я знала, что буду с ним до самого конца. Все стерплю, все прощу. Я сделаю это вовсе не ради того, чтобы когда-нибудь стать первой леди Германии – нет, просто я безумно люблю этого мужчину... Такого необыкновенного и потрясающе умного, любимца всего народа... Нет на свете вещи, которой я бы не могла простить ему. Конечно, мне бы хотелось, чтобы он относился ко мне лучше, но когда я задумываюсь о том, что одно то, что он со мной, уже является величайшим счастьем, я начинаю испытывать благодарность судьбе. Мне и вправду повезло. Быть возлюбленной столь яркого человека – вместо того, чтобы похоронить себя в пеленках и уборках, будучи женой какого-нибудь пресного обывателя – о, это и есть то, что делает мою жизнь осмысленной и наполненной.

– Ева... – сказал он, заходя быстрым, даже каким-то суетливым шагом в мою комнату. – Ева...

Я заперла дверь и повернулась к нему. Я всегда, лишь при одном взгляде на него, могла определить, в каком он настроении и чего мне можно ожидать. Также я обычно без труда определяла по его глазам, был ли он с другой женщиной...

Но теперь ему явно было не до любовных походов. Он пришел ко мне – а значит, все же считал меня не последним человеком в своей жизни... Он вошел и сел в кресло, напряженно глядя на меня. Посеревшее лицо, волосы, в беспорядке разбросанные по лбу... Губы нервно подрагивают, а глаза как-то

особенно ярко горят, будто в лихорадке. Таким я его еще не видела. Мне приходилось видеть его счастливым, умиротворенным, задумчивым, воодушевленным, а также злым, раздраженным, меланхоличным; но таким, как сейчас – никогда. Казалось, он пребывает в растерянности, которая близка к панике.

И потому, что таким он предстал передо мной в первый раз, я тоже немного растерялась. Он ничего не говорил, а только смотрел на меня своим пугающим горящим взглядом и при этом шевелил губами. Я подошла к нему и опустилась на пол у его ног...

Он любил, когда я сидела вот так – покорно, склонив голову и бросая на него лишь короткие взгляды снизу вверх. Мне нравилось ощущать себя его смиренной рабыней – это чувство возбуждало меня, ведь мой господин был велик, воистину велик. С этого обычно и начинались наши любовные игры. Я была его собачкой, его ковриком для ног, я выполняла любые его прихоти. Любовный пыл разгорался в нем с большим трудом. Мне приходилось стараться... И все же иногда у него ничего не получалось. И тогда он грубо толкал меня и, сказав что-нибудь оскорбительное, уходил, хлопнув дверью, оставляя меня рыдать и мучиться сознанием своей неполноценности, неспособности доставить удовольствие своему мужчине... Потом он, правда, приходил, с букетом и подарком, горячо извинялся, признавал свою неправоту... И в эти моменты мною завладевала упоительная эйфория... Проливая горячие слезы, я прощала его, зная, что буду прощать еще тысячи и миллионы раз... Я знала, что не оставлю его никогда, что бы ни случилось, и что разлучит нас только смерть. Связь с ним приносила мне такую сладкую боль, что я уже не мыслила без этой боли своей жизни. Я научилась наслаждаться ею... Моя жертвенная любовь возносила меня к небесам... Я казалась себе святой.

– Ева... – хрипло бормотал он, – Ева, я хочу поговорить с тобой...

– Конечно, любовь моя... – откликнулась я со всем пылом своей жертвенной души, – конечно...

Он не любил многословия. На влюбленный женский лепет он лишь снисходительно улыбался, при этом откровенно морщась. Он предпочитал говорить сам. Так он и покорила меня когда-то – он наизусть цитировал стихи Гейне, глубокомысленно рассуждал о разных высоких материях... Он это умел. Он не только был великим оратором; нет, он еще был истинным,

непревзойденным покорителем сердец. Это получалось у него легко и непринужденно – что ж, с одной стороны, мне даже льстило, что у него такое множество поклонниц. Ведь возвращался-то он всегда ко мне... Заботился обо мне... Но все же в идеале я бы хотела от него такой же верности и преданности, как это было с моей стороны.

– Ева, дорогая... – произнес он как-то непривычно проникновенно (глубина чувств, кажется, вообще была ему несвойственна), – ты знаешь, мне так все надоело... – Он слегка наклонился и взял мои руки в свои. Невиданный порыв нежности!

– Что надоело, любовь моя? – чуть дрогнувшим голосом отозвалась я, млея от неожиданной ласки.

– Да все надоело! – Он вдруг резко откинулся на спинку кресла, выпустив мои руки; я даже вздрогнула. – Этот тупица Геринг, который не смог защитить мою столицу от русских бомбардировщиков, этот напыщенный индюк Борман, который делает важный вид, а сам ничего не понимает! Ситуация на фронте оставляет желать лучшего, детка, и это еще мягко сказано... А эти ничего не могут сделать, и лишь твердят: «Яволь, мой фюрер, яволь, мой фюрер!» Черт бы побрал этих русских! Никогда не предполагал, что может произойти что-то подобное... Проклятье! – И он как-то резко замолчал, не уточнив, что он имел в виду. Наверное, стряслось что-то страшное, оказавшееся выше его сил.

Он сидел, прикрыв глаза, и тяжело дышал. Его одолевали невеселые думы. На его лбу мелким бисером выступили капли пота. Мой герой, мой мрачный гений! О, будь моя воля – я бы разорвала этих русских, которые посмели встать на пути воплощения планов моего любимого! Похоже, там и вправду нешуточное дело. Девочки-секретарши перешептывались, что в ход войны вмешалась какая-то неведомая сила непреодолимой мощи, и сила это полностью находится на стороне русских. Наши солдаты гибнут тысячами, но нечего не могут сделать с пришельцами из бездны, которых они называют «марсианами». Их танки давят наши панцеры как спичечные коробки, их солдаты тысячами убивают наших солдат и офицеров, после чего снимают с них скальпы. По крайней мере, так говорил доктор Геббельс. Да, настроения у нас в Волчьем Логове теперь были совсем не такие, как пару месяцев назад. Несмотря на нарочитое спокойствие, казалось, что все держится на какой-то тоненькой ниточке; чуть потянуть – и она оборвется, и в тот же миг начнется всеобщая паника. Все чувствовали это, но никто не признавался. Все ждали добрых вестей с фронта, но там, похоже,

обстановка только ухудшалась.

Я не осмеливалась пошевелиться и только с благоговением и безмерной любовью смотрела на своего идола, на своего возлюбленного. Несмотря на то, что он молчал, между нами прорастала какая-то невидимая связь. Я чувствовала, что нужна ему в этот момент. Ведь только со мной он мог хоть немного расслабиться, не опасаясь, что о нем подумают соратники. Просто вот так посидеть в кресле, зная, что я у его ног. Кто бы мог заменить ему меня? Никто. Он нуждался во мне, хоть и никогда явно не показывал мне этого. Может быть, сейчас, в такой критический момент, когда ему так тяжело, он изменит свое обычное отношение ко мне? Может быть, он даже предложит стать его женой? О, тогда он бы сделал меня самой счастливой женщиной на свете... Но я не стану ему на это намекать. Я вообще ничего не буду от него требовать. Я просто буду рядом... Буду рядом... Везде и повсюду... Моя любовь сбережет его. Моя любовь все преодолет! Ведь мы созданы друг для друга... Когда-нибудь он перестанет изменять мне – тогда, когда закончится война и он станет великим фюрером, которому подвластен весь мир... А что, если не станет? Что, если русские и их чудовищные союзники победят и втопчут в землю все, что мой возлюбленный с таким трудом создавал целых восемь лет? Ведь против нас сила и безжалостность марсиан, решивших что это они – сверхчеловеки, а мы – пыль под их ногами, а также миллионы и миллионы русских солдат, которые прокатятся по Европе дикой азиатской ордой, не оставив после себя камня на камне. Ведь именно их «марсиане» называли своими братьями, которым они дарят этот такой прекрасный мир.

При этой мысли у меня в груди похолодело. «Если это случится, тогда мы будем мертвы! – отчетливо прозвучал голос в моей голове, – Германия будет повержена, твой возлюбленный проклят навеки и втопан в пыль, а сама ты разделишь его участь... За что нам такая кара?! Почему этого счастья удостоились русские дикари, только что оторвавшиеся от сохи?! Разве мы, немцы, не достойны участи расы господ, устанавливающей на Земле идеальный новый порядок?!»

Смерть! Да неужели она сильнее любви? Что мне смерть! Жизнь без возлюбленного хуже могильного холода... Он-то сам хоть догадывается, что я готова идти за ним куда угодно, хоть в ад?

Дрожа, я подползла к нему еще ближе. Обхватила руками его колени.

– Любимый! – прошептала я, – знай – что бы ни случилось, я не отвернусь от тебя... Ты – счастье мое, и без тебя моя жизнь не имеет смысла... Что бы с тобой ни случилось – я не перестану любить тебя... И даже если придут эти русские – я тебя не оставлю. Я умру только вместе с тобой!

Он открыл глаза. Несколько секунд он внимательно вглядывался в мое лицо – так, словно увидел впервые. И странное выражение было в его глазах – будто он боится мне поверить... И еще что-то похожее на нежность и признательность... Как бы мне хотелось, чтобы он поднял меня с пола, усадил на колени, прижал к себе и сказал, что очень любит меня и благодарен мне... Но он сделал на собой усилие – и выражение его глаз тут же сменилось на сурово-отчужденное. И сам он весь напрягся и, вздернув голову, посмотрел на меня свысока – я тут же почувствовала себя неуютно, исчезло все очарование нашего начавшегося было сближения.

– Русские не придут! – сказал он в своей чеканной манере, которой пользовался, произнося свои горячие речи. – Не придут! Мы им не позволим. Ева! Я запрещаю тебе когда-либо поднимать эту тему! Тебе понятно?

Я только кивала. И при этом не могла оторвать от него взгляда. Внезапно мне стало понятно, что им владеет страх – и не просто опасение, а самый настоящий страх, от которого холодеет душа.

Наверное, он понял, что разговаривал со мной слишком резко, и, стараясь загладить впечатление, произнес:

– Впрочем, я счастлив слышать от тебя такие речи. Мне важна твоя поддержка, Ева. Я бываю с тобой незаслуженно груб, ты прости меня. Знаешь, я и вправду начинаю склоняться к мысли, что, окажись я поверженным, со мной останутся лишь двое преданных мне существ – ты и Блонди...

Я была растрогана этими словами. Правда, упоминание о Блонди слегка покорило меня. Так звали его овчарку, которую он очень любил. Глупо, но я даже ревновала его к собаке. По правде говоря, я ненавидела проклятую псину, но при этом старалась делать вид, что она мне нравится. Собака же, чувствуя мое истинное к ней отношение, вела себя со мной, мягко говоря, настороженно, и, если бы не внушение хозяина, наверное, с удовольствием порвала бы меня в клочья. Но я смирилась с этим – как, собственно, смирилась и со всем остальным.

Он потянулся ко мне. За двенадцать лет я очень хорошо выучила все его жесты – это означало, что я могу наконец обнять своего любимого. Я приподнялась на коленях и обвила руками его шею... Как я любила эти моменты нашей близости, когда соприкасались наши души! Но в этот раз что-то было не так, словно вкрадчивый яд уже пропитал сам воздух вокруг нас... Все то время, пока длилось объятие, надо мной довлело смутное ощущение неотвратимо приближающегося конца. Холод разверстой бездны вползал в мое сердце и объятия не могли меня согреть...

* * *

14 ноября 1941 года, 10:05. США, Вашингтон, Белый Дом, Овальный кабинет.

Все приглашенные на совещание министры уже были в сборе, когда пожилой темнокожий слуга ввез в Овальный кабинет кресло-каталку, в которой важно восседал тридцать второй президент Соединенных Штатов Франклин Делано Рузвельт.

– Итак, джентльмены, – сказал Президент, кивком отпустив слугу, – сегодня я собрал вас для того, чтобы поговорить о войне в Европе, которая начинает приобретать несколько неожиданный оборот. Мистер Стимсон, что вы можете сказать по этому поводу?

– Мистер президент, – ответил военный министр, – нам известно только то, что русские получили очень значительную помощь со стороны. Если в начале августа их вождь мистер Сталин просил у мистера Гопкинса в первую очередь открытия второго фронта в Европе, а уж потом поставок вооружения, техники и боеприпасов, то теперь их больше интересуют самые современные станки, некоторые дефицитные материалы и промышленное оборудование. Насколько я понимаю, за исключением нескольких моделей самолетов и вездеходных тягачей, вопрос с приобретением вооружения был решен мистером Сталиным за счет тех таинственных союзников, которые пришли ему на помощь в конце августа и помогли наголову разгромить германцев в Смоленской битве. Именно в те дни русские резко охладели к нашей помощи и перестали торопить наше посольство с тем, чтобы мы отправили им хоть что-нибудь.

– Да, Фрэнки, так оно и есть, – подтвердил присутствующий тут же Гарри Гопкинс, в качестве спецпредставителя Рузвельта прилетевший в Москву 30

июля, пробывший там до 2 августа, и за это время беседовавший со Сталиным больше восьми часов в общей сложности.

– Мистер президент, – сказал госсекретарь Корделл Халл, – действительно, в последнюю неделю августа русские перестали бомбардировать наше посольство запросами по поводу ускорения начала поставок, а в начале сентября принесли измененную заявку на срочные поставки, совсем не похожую на их прежние требования. Список готовой техники и вооружения сократился до нескольких наименований: теперь им нужны только истребители Р-39 «Белл Аэрокобра», бомбардировщики А-20 «Бостон», полугусеничные тягачи М2 и бронетранспортеры М3, а также скоростные гусеничные тягачи М5...

– Ничего не слышал о таком тягаче, – резко сказал военный министр Стимсон.

– Разумеется, что вы о нем не слышали, Генри, – сухо сжав губы, произнес госсекретарь, – русские пояснили, что эта машина, разработанная на основе танка М3, пока только проходит испытания и сейчас называется Т21. Такие машины как нельзя лучше подойдут для буксировки их тяжелой гаубичной артиллерии. Остальная номенклатура относится исключительно к промышленному оборудованию, а также сырью и полуфабрикатам военного назначения. Им нужны артиллерийские и ружейные пороха, латунь и дюралюминий в листах, силумин в слитках, броневые листы, боевая взрывчатка для снаряжения боеприпасов и промышленная для горных работ, готовый высокооктановый бензин, высокоточные токарные и фрезеровочные станки, химическое и нефтехимическое оборудование, а также многое другое, что требует нудного и скучного перечисления. Должен еще добавить, что оборудование русские хотят приобрести за золото и что большая часть наименований находится в стоп-листах и может быть продана только с вашего разрешения, мистер президент.

– Джентльмены, мне кажется, я чего-то недопонимаю, – негромко сказал президент, обводя своих соратников взглядом, – неужели мистер Сталин не может закупить все это у своих таинственных союзников?

– Мистер президент, – также тихо ответил Корделл Халл, – по частным, неофициальным каналам через московские знакомства мистера Хаммера[15 - Имеется в виду так называемый «друг СССР» миллиардер Арманд Хаммер.] нам удалось выяснить, что здешний Советский Союз и его союзников в другом мире связывает только один – как бы это сказать – туннель между мирами,

являющийся естественным образованием с ограниченной пропускной способностью. Первоначально возможности этого туннеля использовались для снабжения армейской группировки пришельцев, и только потом через него началась своего рода ограниченная межмировая торговля. В основном мистер Сталин закупает на той стороне вооружение для своей армии и, как нам стало известно, такое промышленное оборудование, какое ему не сможем поставить даже мы.

– Очень хорошо, джентльмены, возможности межмировой торговли мы обсудим позже с мистером Гопкинсом и мистером Джонсом, – удовлетворенно кивнул президент Рузвельт, после чего спецпредставитель Гарри Гопкинс и министр торговли Джесси Джонс синхронно кивнули ему в ответ, – в случае успеха эта возможность обещает немалые выгоды. Но я сейчас хочу сказать о другом. Буквально сегодня ночью в Госдепартамент поступило донесение из нашего посольства в Берлине, в котором сообщается, что вчера днем авиация советских союзников из иного мира буквально вдребезги разнесла бомбами Вильгельмштрассе, главную улицу Берлина, да и всей Германии, вдоль которой располагались здания главных министерств и ведомств. Под горящими развалинами погибло множество нацистов первого эшелона, их помощников и просто мелких клерков. Централизованное управление Германией на какой-то срок можно считать парализованным. В то же время на расположенной по соседству улице Унтер-ден-Линден, полной модных магазинов, варьете и кинотеатров, не упала ни одна бомба и даже не было выбито ни одно стекло в магазинной витрине или окне... Как вы думаете, джентльмены, к чему бы этот показной гуманизм к обывателям и такая же показная свирепость по отношению к власти имущим?

– Разгромив Германию, эти пришельцы из иного мира, скорее всего, намерены сделать из нее своего верного вассала, – сказал министр Генри Моргантау. – Старая мечта русских царей, мистер президент – это чтобы немцы и русские находились в одной упряжке. У немцев есть высококлассная промышленность, квалифицированные рабочие и талантливые инженеры, у русских есть бескрайние плодородные поля для производства продовольствия, огромные запасы самого разнообразного сырья и неквалифицированные трудовые ресурсы. Если все это соединить вместе – хоть под немецким, хоть под русским главенством – то образуется самодостаточный монстр, справиться с которым не получится ни при каких обстоятельствах. Допускать такого ни в коем случае нельзя...

– Мистер Моргантау, – с сомнением спросил военный министр Симпсон, – вы предлагаете начать помогать немцам против русских? Не слишком ли это радикальное решение, особенно если учесть, сколько жертв уже понесли народы Европы от рук кровожадного дикаря Гитлера и его подручных?

– Мистер Симпсон, – рассмеялся в ответ Моргантау, – я ни в коем случае не предлагал помогать Гитлеру. Боже упаси. Я всего лишь предлагал намекнуть дядюшке Джо на то, что чтобы он вел себя по отношению к этим тварям как можно жестче. О какой помощи Советскому союзу можно говорить, если там собственные немцы до сих пор являются полноправными гражданами[16 - В этой реальности, где вражеское наступление было своевременно остановлено, острота немецкого вопроса была успешно снята без применения таких сильных средств как депортация немцев из Поволжья, и Северокавказского региона.]? Я говорил раньше и говорю снова, что мы не можем рассматривать Советский Союз как надежного союзника, пока все его немцы не подвергнутся интернированию. Мистер Гопкинс, вы доводили эту нашу позицию до мистера Сталина?

– Доводили, – вместо Гопкинса ответил госсекретарь Корделл Халл, – но, насколько нам стало известно, в конце августа уже почти готовый к опубликованию указ сунули в стол и больше к этой теме не возвращались. Как раз в это время начался погром германской армии на фронте, и, видимо, этот факт и послужил достаточной причиной для поддержания лояльности советских граждан германского происхождения.

– Мистер президент, – продолжал стоять на своем Генри Моргантау, – мы непременно должны надавить на мистера Сталина, чтобы он привел этот свой отложенный указ в действие. Без этого мы вообще не должны считать его союзником...

– Уймись, Генри, – сказал военный министр Симпсон, – немецкий вопрос стал у вас настоящим пунктиком. Каким местом мы можем давить на мистера Сталина, если при малейших признаках такого давления он сразу же запросит помощи у своего нового союзника. Да и давить-то нам, по сути, тоже нечем. В конце концов, это внутреннее дело русских – кого считать своими согражданами, а кого нет...

Президент Рузвельт остановил готовую уже было разгореться перепалку в самом зародыше.

– Джентльмены, – веско произнес он, – должен сказать, что этот вопрос не стоит решать сгоряча. Как я уже говорил, в ближайшее время в Россию для проведения переговоров с руководством большевиков и представителями их союзников на крейсере «Огаста» отбывают Гарри Гопкинс и Джесси Джонс. Соглашение, которого планируется достигнуть, должно иметь трехсторонний характер и касаться всех аспектов военно-технической помощи Советскому Союзу. Всех, джентльмены, это значит всех. Взамен за помощь господину Сталину я хочу заполучить для нашей Америки у пришельцев с той стороны как можно больше разных технологических секретов, так что торгуйтесь, господа, торгуйтесь, за каждый пункт в спецификации и за каждую товарную позицию. Именно от вас зависит будущее нашей великой страны. И помните, что мне безразлично, как Сталин поступит со своими немцами – посадит в лагерь, расстреляет или оставит на свободе. Для меня самое главное – судьба своих, американских граждан и будущее Великой Америки. На этом, джентльмены, пожалуй, все...

Рузвельт позвонил в особый колокольчик, после чего вошел тот же слуга и вывез коляску с президентом прочь. В наступившей тишине его соратники тоже начали подниматься из-за стола, собирать свои бумаги и готовиться покинуть Овальный кабинет. Совещание с президентом было закончено, несмотря на то, что оно оставило после себя даже больше новых вопросов, чем готовых ответов.

* * *

14 ноября 1941 года, 12:15. США, Вашингтон, Белый Дом, Президентские апартаменты, комната Рузвельта.

Элеонора Рузвельт, супруга и единомышленница 32-го Президента США Франклина Делано Рузвельта

Я сидела за столом и задумчиво вертела в руках брелок. Эту занятную вещицу подарила мне Лорена, она привезла ее из командировки в Техас, на границу с Мексикой. Моя подруга всегда дарила мне удивительные подарки. Куда бы она ни отправлялась, отовсюду она непременно привозила мне какой-нибудь милый сувенир... И всегда ей удавалось подобрать подарок со значением, потому что она делала это от души. Она искренне меня любила, и я была по-настоящему счастлива лишь в те моменты, когда она находилась рядом...

Никто не догадывался о наших «особенных» отношениях. Могу себе представить, сколько осуждения и неприятия вылилось бы на мою голову, узнай об этом широкая публика. Они бы не поняли меня, не приняли... А я не могла позволить себе утратить свой авторитет перед ней, перед этой публикой; не для того все эти годы я добивалась того положения, которое имею. И это было единственной причиной, по которой я так тщательно оберегала нашу с Лорен интимную тайну. Но как мне порой хотелось сбросить всю эту конспирацию! Человек рожден для того, чтобы быть свободным в своих чувствах. Это понимала я, это понимала Лорен, но, к сожалению, общественное сознание сейчас, в середине двадцатого века, все еще оставалось на очень низком уровне, и едва ли я могла с этим что-то поделать. Меня всегда утешала лишь мысль, что когда-нибудь, десятилетиями позже, непременно настанет истинная свобода, когда людям не придется скрывать то, что раньше считалось крайне постыдным.

Что касается моего мужа, то и он тоже ничего не знал... Мой блистательный Фрэнки едва ли мог даже предположить, что между женщинами возможны не только дружеские, но и любовные отношения. При всей своей широте взглядов мой муж во многом оставался наивным простофилей, как и многие мужчины, в которых сильно ощущение их «мужской» сущности, подразумевающей и оправдывающей супружескую неверность.

С тех пор как я встретила Лорен, я стала осознавать, как смешны мужчины в их самоуверенности, касающейся того, что женщины никак не могут без них обойтись. Когда-то я тоже была молодой и наивной и поддерживала подобные взгляды. Но, к счастью, в дальнейшем жизнь открыла мне очень много новых граней, и это принесло мне счастливое умиротворение...

О, мой муж очень любил себя... Ему безумно нравилось смотреться в зеркало, и он не бросил этой привычки даже тогда, когда инвалидное кресло стало его постоянным спутником. Глядя на свое отражение, он репетировал разные выражения лица, а также приглаживал пальцем свои брови, пятерней перекидывал волосы то на один бок, то на другой... Эта привычка, сродни какому-то ритуалу, присутствовала в нем всегда, и я подозреваю, что ею гршило большинство наших президентов. Когда мы только поженились, его красование почему-то вызывало у меня осознание собственной неполноценности, во мне снова всплывали подростковые комплексы. Я начинала ненавидеть себя за свою невзрачную внешность, за тусклые волосы, невыразительные глаза, за выступающие вперед зубы... Но потом это прошло. Раз от разу я убеждалась, что для него моя внешность не имеет значения, он

ценит мой ум и прочие интеллектуальные способности. Мне казалось, что он любит меня как раз за это... За то, что я – его верный соратник, друг и советчик.

Но потом все рухнуло... У него появилась любовница, и узнала я об этом только тогда, когда он тяжело заболел. Эти ее письма, обнаруженные мной на дне его чемодана... Стоны вырывались из моей груди и руки тряслись, когда я читала проникнутые страстью строчки: «Фрэнки, ты мое божество, хочу раствориться в тебе без остатка, твои ласки заставляют мое тело звучат подобно волшебной флейте, ты даришь мне невысказанное наслаждение, мой дорогой, желанный, но такой недостижимый, мой герой и мой кумир...». Вот так я стала одной из тех сотен тысяч обманутых жен, чьи слезы не видны миру; он, этот мир, желал слышать лишь любовные вздохи... А ведь я была уверена, что смогу избежать этой доли! Но нет, мне пришлось познать всю горечь нелюбимой жены.. Конечно, была истерика, разговор втроем в присутствии его мамы, его клятвы прекратить эту связь... Но я тогда сама себя обманывала – увы, это стало мне понятно гораздо позже... Уж если мужчина равнодушен – то этого уже никак не изменить. Потом у него были еще любовницы... Я никогда даже мысленно не произносила их имена – словно это могло отпечататься на мне каким-то позорным клеймом.

Что ж, я смирилась с этим; в один прекрасный момент мне просто пришлось стать сильной. Я все время говорила себе: «Я должна». Я должна была во что бы то ни стало поддерживать свой авторитет и авторитет нашей семьи. И я знала, что это мне по силам.

Уже потом, анализируя все, что произошло, я пришла к выводу, что все было к лучшему. Я всегда придавала значение лишь духовной составляющей брака. Выходя замуж, в плане телесном я была совершенно неискушенной. Моему мужу не удалось пробудить мою чувственность. Наверное, причиной было то, что я физически не привлекала его и потому он не прилагал особых стараний; но факт оставался фактом – все проявления его телесного влечения я воспринимала совершенно холодно, полагая, что это вполне нормально с моей стороны...

Отношения с Лорен были полны нежности, романтики и глубокого понимания. Мы быстро сошлись с ней. Если бы не она, я бы, наверное, уже давно загнала себя в могилу бесконечными рефлексиями по поводу своей непривлекательности и душевного одиночества. Это она давала мне силы жить дальше и ощущать себя здоровой и вполне счастливой... Сейчас страсти поутихли, мы обе постарели, но нежность все равно неизменно присутствовала в

наших отношениях... Мы были с ней как два самых родных человека.

Брелок, который я вертела в руках, был очень необычным. Он представлял собой отлитого из стали какого-то ацтекского божка размером около четырех дюймов. Божок это почему-то был изображен в сидящем положении, и только лицо его было повернуто в фас. «Сидящий идол» – так я про себя его называла. И главная его особенность заключалась в том, что он был похож... да-да, на Фрэнки. Такие же близко посаженные глаза, тонкий нос... Сходство было просто удивительным. Его не смазывали даже перья на голове идола и ацтекские одеяния. Я никому не показывала этот брелок, нося его всегда в собой в кармане. Когда мне нестерпимо хотелось высказать мужу все то, что я чувствую, я клала перед собой этого идола и мысленно разговаривала с ним – так, как я разговаривала бы с Фрэнки, если бы у нас были нормальные супружеские отношения... И от этого я ощущала необыкновенную легкость, словно сбрасывала с души несколько тонн груза.

Я знала, что скоро он, Фрэнки, въедет в эту комнату на своем кресле-каталке, и вечно молчащий пожилой темнокожий слуга будет его безмолвным приложением, заместителем ног, которые отказались служить ему много лет назад. Я даже примерно знала, о чем Фрэнки будет со мной говорить. О, я всегда предугадывала поступки и слова своего мужа; я знала его так хорошо, как никто другой, ведь между нами все же присутствовала некоторая близость. Это было взаимоуважение и дружеские чувства, одно на двоих осознание долга перед родиной, ответственность за американский народ... А может быть, даже наша с ним похожесть. С годами я научилась принимать своего Фрэнки таким, какой он есть. Мне не о чем было жалеть – в общем-то я сполна имела в этой жизни все то, чего желала моя душа.

Он войдет и расскажет о том, как совещался со своими министрами. Он, конечно, не спросит, что я обо всем этом думаю – он будет знать, что я и так выскажу свое мнение. Ему от меня нужна будет только поддержка или же здравая и честная критика. И он, получив то, что хотел, вежливо поблагодарит меня и уйдет. Уйдет к одной из своих девиц, ни одна из которых никогда не сможет тягаться со мной в искусстве быть первой леди Америки...

О тех чудесах, которые в конце лета начали происходить на фронте в далекой России, в определенных кругах поговаривали уже достаточно давно. Поэтому я была неплохо осведомлена о том, что виной всему послужило нечто невероятное – эта внезапно открывшаяся в России дыра, соединившая настоящее и будущее.

Вообще, когда я окончательно уверилась, что это не выдумки, и свыклась с шокирующей мыслью о возможности невозможного, то испытала настоящее благоговение перед промыслом судьбы, что дала нам возможность хотя бы опосредованно коснуться столь удивительного происшествия, которое теперь, безусловно, окажет сильнейшее влияние на течение событий во всем мире. Что ж, для нас это явление может представлять некоторый интерес в плане получения для американской промышленности новых технологий.

Ну, а если смотреть шире, то мне представляется, что прогресс теперь значительно ускорится – и, разумеется, не только в России. Причем технический прогресс – это само собой, но я была уверена, что прогресс неизбежно постигнет и самих людей, глубоко коснувшись их сознания и мировоззрения. Свобода! Вот о чем я мечтала, как и миллионы людей во всем мире. Свобода от устаревших шаблонов, узких взглядов, потерявших актуальность обычаев. Перемены непременно должны затронуть человечество изнутри... Все аспекты духовной составляющей теперь обязательно трансформируются – полагаю, что это неизбежно. Ведь там, в далеком будущем, уж наверняка все люди равны в своих правах, там не притесняют чернокожих, не дискриминируют женщин, а также терпимо относятся к тем, чья половая ориентированность отличается от традиционной... Блаженное будущее! Неужели оно само пришло к нам, в наш век нетерпимости и предрассудков? Да, оно пришло. Это совершенно точно. И в разговоре с мужем я непременно выскажу свое мнение о необходимости плотно сотрудничать с этим будущим, перенимая не только технологические достижения, но и обмениваясь культурным опытом...

Фрэнки сказал, что Гарри Гопкинс и Джесси Джонс на крейсере «Огаста» направляются в Советский Союз для того, чтобы встретиться с этими русскими из будущего. И я тоже хочу поехать вместе с ними, для того чтобы посмотреть на этих чужих в этом мире людей. Гарри Гопкинса они будут интересоваться с точки зрения политики, Джесси Джонс будет стремиться заключить с ними наилучшие сделки, а мне они будут интересны именно как люди будущего. И пусть Фрэнки сначала будет против, но я знаю, что если проявлю достаточную настойчивость, он обязательно согласится.

Часть 10. Разведка боем

15 ноября 1941 года, 7:05. Жлобинский плацдарм, наблюдательная вышка НП 4-й танковой бригады

Командир бригады полковник Михаил Ефимович Катуков

Наша артиллерия заговорила еще в полной темноте, ровно за час до рассвета. Били дивизионные гаубичные полки, били приданные 21-й армии два полка артиллерии РВГК, по целям в глубине вражеской обороны бил четырнадцатидюймовый железнодорожный дивизион особого могущества, фугасные чемоданы которого весом в восемьсот килограмм мешали сейчас с дерьмом дивизионные и корпусные штабы немцев. Но самое главное, на вражеские позиции обрушился огонь 1-й гвардейской артиллерийской дивизии прорыва РВГК – ее вооружение и техника, как и у нас, частично были закуплены в мире будущего. При этом непосредственно на плацдарм в дополнение к артиллерийским полкам, державших оборону дивизий, из состава 1-й ГАДП РВГК были введены только легкая артиллерийская бригада, считающаяся противотанковой, тяжелая минометная бригада и бригада реактивной гвардейской артиллерии, которые, за исключением минометов, пока не принимали участия в общем веселье. Укомплектованные пушками-гаубицами А-19 и МЛ-20 тяжелые артиллерийские бригады, а также железнодорожный дивизион особой мощности и особо тяжелая гаубичная бригада, состоящая из двадцати четырех пушек Б-4, тяжелыми залпами бьют с того берега Днепра, ибо дальнобойности им для этого вполне хватает.

Побудка фрицам за полчаса до привычного подъема вышла знатная. Шестидюймовый снаряд в блиндаж, от которого не спасают перекрытия бревнами в шесть накатов – это вам не крик фельдфебеля: «Подъем, лентяи!». Отсюда, с высоты наблюдательной вышки, хорошо было видно, как поверх вражеских окопов поднялась стена разрывов, сверкают багровые в предутреннем полумраке вспышки – во все стороны от них летят комья мерзлой земли. А если обернуться и посмотреть на нашу сторону, то тоже загляденье. Вспышки артиллерийских залпов выглядят как одно сплошное зарево, сливающееся с алой полосой утренней зари на горизонте. Ширина прорыва составляет тут около семи километров, основное направление удара вдоль железной и шоссейной дорог на Бобруйск.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Нас сильно удивляет, почему на Нюрнбергском трибунале люфтваффе, как и кригсмарине, не были признаны преступными организациями. Совершенно младенческий аргумент о том, что людей, мол, туда набирали по призыву, а не добровольно, нас совершенно не устраивает. Члены этих организаций, по приказу или при прямом поощрении своего командования, совершали массовые военные преступления. На море люфтваффе к кригсмарине топили суда, на которых заведомо не было никого, кроме некомбатантов, и атаковали госпитальные корабли под флагом Красного Креста, что строжайше запрещено Гаагскими и Женевскими конвенциями. На суше пилоты люфтваффе подвергали массированным бомбардировкам города с мирным населением, атаковали колонны с беженцами, эвакуационные и санитарные поезда, опять же идущие под знаками Красного Креста.

Скорее всего, причина в том, что воевавшие на западном фронте англосаксы сами не гнушались такими методами. А уж после атомных бомб, сброшенных на Хиросиму и Нагасаки, говорить и вовсе стало не о чем. Если на основании преступных действий признать преступной организацией люфтваффе, то придется также признавать, что RAF и US Air Force преступны в равной, если не в большей мере. Ну и, наверное, англичане с американцами хотели сохранить за собой немножечко немецкого пушечного мяса на случай предполагаемого военного столкновения с СССР в центре Европы. Должен же быть кто-то, кого можно толкать на убой впереди себя во имя вечных и незыблемых англосаксонских интересов.

2

Группенфюрер Небе еще не знает, что у этих разведывательно-ударных рот специального назначения смешанный личный состав из солдат и офицеров российских разведбатов, а также бойцов ОСНАЗ НКВД. А снаряжение и вооружение у них действительно из будущего, поэтому в случае боестолкновений такие роты способны создавать просто запредельную плотность огня.

3

На самом деле только в три раза, но у страха перед пришельцами из будущего глаза особенно велики.

4

Это знаменитые надувные танки морочат голову германскому командованию, чтоб оно видело опасность там, где ее нет и не видело там, где есть.

5

Реальное выступление И.В. Сталина было видоизменено в соответствующими геополитическими и стратегическими реалиями данной АИ. К седьмому ноября враг стоит под стенами Таллина, Киева и Одессы, а о Москве или Ленинграде немцы могут только мечтать. Более того, под Смоленском оказалась разгромлена группа армий «Центр», после чего фронт был отодвинут на двести километров к западу. Этот парад, это фактически промежуточный парад победы над Блицкригом. Следующий парад, настоящий парад Победы, пройдет уже после победы над Германией.

6

RAF – Royal Air Force – Королевские военно-воздушные силы. Русская аббревиатура, встречающаяся в некоторых источниках – KBBC.

7

Упрощенный и удешевленный вариант противокорабельной планирующей бомбы Henschel Hs 293, без ракетного ускорителя и системы управления. Лондон, в отличие от корабля – это очень большая цель, и промахнуться по ней очень сложно. Массированный пуск нескольких сотен таких планирующих бомб мог произвести весьма разрушительный эффект.

8

Триален 105 (не путать с одноименными противозачаточными таблетками) – взрывчатое вещество германского производства. Состав: тротил-70%, гексоген-15%, алюминий-15%. Считалось, что эта взрывчатка наиболее пригодна для уничтожения небронированных целей.

9

До определенного момента в бронетанковых частях и соединениях РККА разведывательных подразделений не было, из-за чего их командиры были вынуждены во много действовать вслепую и наугад, из-за чего советские танкисты несли тяжелые и неоправданные потери. Пренебрежение разведкой даром не проходит, как раз эта причина лежала в корне всех поражений РККА в 1942-43 годах.

10

«Колотушка» – прозвище немецкой 37-мм противотанковой пушки, которая в силу своей малой мощности могла только «постучаться» в броню Т-34 или КВ. Но броня БРДМа для нее не проблема, хотя в эту верткую и подвижную машину немецким противотанкистам сначала требуется еще попасть и самим не залететь под ответную очередь из «крупняка». А вот это уже тяжелее.

11

ДБА – дальнебомбардировочная авиация, основной рабочей лошадкой которой до самого конца войны был ДБ-3Ф, он же Ил-4, который на полную дальность брал от 750 до 1000 кг бомб, летом меньше, зимой больше.

12

Хоть гитлеровская Германия и не добилась значительных успехов в разработке бактериологического и биологического оружия, зациклившись на поисках вредоносного агента избирательного действия (немецкие микробиологи хотели найти такую бациллу или вирус, чтобы она не действовала на арийцев, а все остальные чтоб дохли как мухи.), все равно было решено раздолбать институт Коха просто так, на всякий случай, потому что береженого бережет Бог, а не береженого допрашивают на Лубянке, выясняя адреса, пароли и явки. А если серьезно, то в критической ситуации немецкие микробиологи могли перестать маяться дурью и смастерить что-то по-настоящему убойное без избирательности по нациям и расам. Сумрачного германского гения на это явно хватало.

13

Испытывал же Гитлер в мае 1941 года иллюзию по поводу англичан (тоже, кстати, официально арийцев, только не совсем чистых), что, мол, стоит предложить Черчиллю почетный мир и совместный поход на Восток – и тот сам примчится к нему, виляя хвостиком. Черчилль не примчался.

14

Вплоть до начала первой мировой войны официальная германская расовая теория, появившаяся задолго до Розенберга и Гитлера, относила русских к арийским народам. Ну а как же иначе – ведь цари династии Романовых брали себе в жены исключительно немецких принцесс, и признать недочеловеками народ, которым они правили, было никак нельзя.

К тому же множество немцев ехали в Россию, поступали на государственную службу или занимались бизнесом, принимали российское подданство и пускали корни, а их дети уже вырастали русскими немцами. Отношения к России у немцев испортила Первая мировая война, по своему ожесточению напоминая затянувшуюся на несколько лет битву на Каталунских полях, а потом и две революции в Германии и в России, поставившие в немецком правосознании знак равенства между тремя такими слабо связанными понятиями, как русский, большевик и еврей.

И тут в Германию эмигрирует Альфред Розенберг, местечковые рижские предрассудки которого попадают на благодарную почву, взрыхленную и удобренную Кларой Цеткин, Карлом Либкнехтом и до предела лживыми и продажными деятелями Веймарской республики.

15

Имеется в виду так называемый «друг СССР» миллиардер Арманд Хаммер.

В этой реальности, где вражеское наступление было своевременно остановлено, острота немецкого вопроса была успешно снята без применения таких сильных средств как депортация немцев из Поволжья, и Северокавказского региона.

Купить: https://tellnovel.com/mihaylovskiy_yuliya/snezhnyy-tayfun

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)